DMITRII PARKHOMOV

CORVUS AETERNUS

LIBER I: FERRUM ET SAL

18+

Дмитрий Пархомов

Corvus Aeternus LIBER I: FERRUM ET SAL

«Автор»
2026

Пархомов Д. А.

Corvus Aeternus LIBER I: FERRUM ET SAL / Д. А. Пархомов — «Автор», 2026

260 год до н. э. Четыре югера мёртвой глины, печать ростовщика и сотня кораблей, сколоченных из сырой пихты.Загнанный долгами с сабинского надела на палубу первого неуклюжего римского флота, пахарь Марк Валерий идёт по окованному железом штурмовому мосту в зубы карфагенской стали — и куёт из обломка пунийского меча грубый железный перстень с вороньим клювом.Это кольцо пройдёт с большого пальца на большой палец сквозь шестьдесят лет крови и соли.Через ревущие рифы Камарины, голодные каменные траншеи горы Эрикс, ледяную грязь Треббии и слепящую пыль Канн три поколения Валериев — Марк, его сын Гай и внук Тиберий — держат строй за Республику, которая считает их расходным железом. По ту сторону поля стоят Гамилькар Барка и его сын Ганнибал, связанные детской клятвой на бычьей крови, преданные собственными олигархами и идущие ломать Рим на его же земле.

© Пархомов Д. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

LIBER I: FERRUM ET SAL 6
PARS I: CORVUS IN TABULATO 7
CAPUT I: ARGILLA SABINA 7
I. Aes Alienum 7
II. Dilectus in Campo Martio 10
III. Exemplar Punicum 12
IV. Silva Caesa 15
V. Remigium in Harena 18
VI. Machina Syracusana 20
VII. Sacrificium ad Portum 23
VIII. Clades Scipionis 25
IX. Navigatio ad Siciliam 28
X. Vela Punica 30
CAPUT II: ROSTRUM FERREUM 32
I. Risus Hannibalis Gisconis 32
II. Sonitus Tubarum 33
III. Casus Corvi 36
IV. Primum Saltum 37
V. Pavor Nautarum 39
VI. Fuga Septiremis 41
VII. Praeda Cruenta 42
VIII. Cognomen Castrorum 44
IX. Anulus ex Gladio 45
X. Columna Rostrata 47
CAPUT III: NAUFRAGIUM CAMARINAE 51
I. Reliquiae Reguli 51
II. Pondus Mortale 52
III. Superbia Consulum 54
IV. Signa Procellae 55
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Дмитрий Пархомов
Corvus Aeternus LIBER I: FERRUM ET SAL

Corvus Aeternus

LIBER I: FERRUM ET SAL

PARS I: CORVUS IN TABULATO

CAPUT I: ARGILLA SABINA

I. Aes Alienum

Земля в предгорьях за Курами сжалась в серый, мёртвый камень, о который тупилось железо и ломались ногти.

Марк навалился грудью на дубовый грядиль рала так, что затрещала грубая шерсть туники на плечах, а старый бык в ярме с натужным, сиплым хрипом вывалил из пасти нитку густой белой пены. Животное шаталось. Под вытертой до голого мяса холкой сочилась сукровица, смешанная с въевшейся дорожной пылью и мелкими чёрными мухами, которые не улетали даже от взмахов кнута. Деревянный сошник с обитым железом носком скрежетал по сухой сабинской глине, выворачивая наружу не влажные жирные пласты, а звонкие, острые, как черепки битой амфоры, комья и белёсый известняковый щебень.

Два лета подряд горячий ветер с юга выжигал ячмень ещё в трубке. Третья весна пришла пустой — ни дождей в марте, ни снежной воды с вершин Лукретила.

— Стой, — глухо бросил Марк, утирая тыльной стороной ладони разъедающий глаза солёный пот. Пальцы, сбитые о рукоять мотыги в сплошную жёлтую костяную мозоль, разжались с трудом.

Шестнадцатилетний Тит, шедший следом с тяжёлой деревянной колотушкой для разбивания глыб, остановился и тут же опустил молот в пыль, привалившись к черенку всем своим худым, вытянутым за голодную зиму телом. Колени у младшего брата мелко дрожали, под глазами залегли тёмные, почти синие тени, но в уголках губ всё равно пряталась та упрямая, кривоватая усмешка, которую не брала даже голодная зима.

— Не идёт, Марк, — Тит сплюнул на землю густую серую слюну. Во рту у обоих со вчерашнего вечера скрипела каменная пыль и кислый привкус варёной лебеды, которой мать разбавляла последнюю горсть полбы. — На палец берёт, а глубже — скала. Если сеять в эту золу, вороны склюют раньше, чем корень даст. Да и бык наш, гляди, скоро сам в борозду ляжет и попросит его прикопать. Хоть какая-то польза — удобрим землю.

Марк не ответил, только коротко хмыкнул. Он присел на корточки над бороздой, зачерпнул ладонью серую, мёртвую крошку, сжал кулак. Земля не слепилась в ком — сухо шурша, просыпалась сквозь пальцы, как песок на отмели Тибра. Четыре югера отцовского надела, за которые дед больше тридцати лет назад дрался с самнитами под Аквилонией, превратились в бесплодную плешь.

Со стороны нижней межи, где каменистая тропа выходила из оливковой рощи к их сложенной насухо из дикого известняка хижине, донёсся сухой, размеренный перестук копыт.

Тит сразу выпрямился, перехватив колотушку двумя руками, как дубину.

— О, а вот и наш добрый гений, — негромко процедил он. — Приехал проверить, не выросло ли у нас на камнях золото.

Марк поднялся медленнее — сначала упёрся кулаком в ноющее от натуги колено, потом разогнул широкую, закаменевшую от вечной работы спину. Взгляд его серых, глубоко посаженных под нависшими бровями глаз стал тяжёлым и неподвижным.

По меже ехал верхом на упитанном сером муле Спурий Клавдий — вольноотпущенник патрицианского рода, державший в долговых табличках половину мелких хозяев долины. Сам он сидел в мягком чепраке, кутаясь от утреннего горного сквозняка в добротный шерстяной

плащ из тарентской овчины, а рядом с мулом, легко поигрывая кизиловыми палками, шагали двое его людей — приземистый бритоголовый фракиец с клеймом на скуле и бывший лагерный мясник из Капуи, у которого вместо левого уха темнел рваный рубец. Четвёртым плёлся местный межевщик с деревянной саженью на плече и связкой навощённых буковых дощечек у пояса.

У края пашни Спурий натянул поводья. Мул фыркнул, покосившись лиловым глазом на тощего, облепленного мухами быка Валериев, и лениво переступил подкованными копытами.

Из низких дверей хижины, вытирая о передник серые от золы руки, торопливо вышла мать. Лицо её за последний год после смерти отца высохло, сжалось в тёмный кулачок, только глаза лихорадочно блестели на впалых щеках. Она не подошла вплотную — остановилась у старого каменного корыта для дождевой воды, на дне которого уже неделю трескалась высохшая тина, и молча прижала костяшки пальцев к губам.

— Трудитесь, добрые квириты? — голос у Спурия был мягкий, почти сочувственный, только смотрел он не на людей, а на ровный ряд старых олив вдоль ручья и на дубовое ярмо быка. — А я гляжу с холма — пыль стоит. Думаю, неужто Валерии дождя у Юпитера вымолили?

— Вымолили, Спурий, — звонко отозвался из-за спины брата Тит, опершись на колотушку. — Юпитер сказал, что дождь будет, как только ростовщики перестанут на жирных мулах по чужим межам ездить. Видно, засуха у нас надолго.

Бывший мясник из Капуи коротко хмыкнул и перехватил кизиловую палку поудобнее, сделав полшага вперёд, но Спурий лениво поднял два пальца, останавливая подручного.

Марк шагнул через борозду, закрывая собой Тита, и остановился в трёх шагах от головы мула. От ростовщика пахло чистым оливковым маслом, чесноком и свежим ячменным хлебом — запахом, от которого в пустом животе Марка мгновенно скрутило тугим, злым узлом.

— Дождя нет, Спурий, — ровно сказал Марк. — И до майских ид мы тебе триста ассов либральной медью не соберём. Дай отсрочку до осеннего обмолота. Виноградник на южном склоне живой, лоза сок дала. Осенью отожмём сусло — закроем и рост, и семенную ссуду.

Спурий грустно вздохнул, покачал головой и потянулся за пазуху. Вытащил оттуда тройную буковую табличку, перевязанную льняным шнуром со свинцовой печатью, и раскрыл её на луке седла.

— Осенью, Марк? — переспросил он тихо, водя коротким ухоженным ногтем по процарапанным в чёрном воске строчкам. — Покойный отец твой, Луций Валерий, два года назад тоже говорил про осень, когда брал у моего патрона двенадцать модиев семенной пшеницы и сотню тяжёлых ассов на уплату военного трибута. В прошлом году вы не отдали даже трети приплода. С учётом набежавшего роста долг ваш к мартовским календам вырос до четырёхсот восьмидесяти ассов. Четыре югера вашей сухой глины по нынешней цене не стоят и четырёхсот.

— Петелиев закон запрещает вязать гражданина за долги! — уже без тени усмешки, срывающимся мальчишеским голосом выкрикнул Тит, сжимая черенок колотушки так, что побелели пальцы. — Ты не имеешь права надеть на нас колодки!

— Закон я чту свято, юноша, — почти ласково ответил вольноотпущенник. — Никто и не собирается ковать вас в железо без суда. Через три дня — базарный день в Курах. Мы пойдём к судебному префекту, я предъявлю эти дощечки, и он по праву *addictio* присудит мне ваш надел, инвентарь, этого доходягу в ярме и ваш дом в уплату основной суммы. А за оставшиеся восемьдесят ассов и судебные издержки вы оба по закону будете отрабатывать в каменоломнях моего патрона под Тибуром. Без цепей, разумеется. Как свободные римские граждане — за миску полбяной баланды в день, пока не сдохнете от каменной пыли в лёгких.

Мать у сухого корыта тихо, беззвучно осела на колени, уткнувшись лбом в шершавый известняк.

Марк не обернулся на неё — знал: если сейчас посмотрит на мать, то просто вырвет из грядиля железный сошник и проломит Спурию череп прямо в седле, а через неделю их с Титом сбросят со скалы или засекут розгами ликторов на площади. Он смотрел на медную бляху на сбруе мула, в которой криво отражалось его собственное скуластое, почерневшее от солнца и пыли лицо.

— Ты приехал за три дня до суда не для того, чтобы пугать нас префектом, — глухо произнёс Марк. — Говори, чего надо.

Спурий одобрительно прищурился. Улыбка исчезла с его круглого лица, уступив место сухому, деловому расчёту.

— Разумный ты парень, Марк. В отца пошёл, только не такой упрямый. Слушай сюда. Землю вашу и оливы я забираю сегодня — межевщик уже здесь, к обеду вкопаем новые камни, объединим ваш кусок с верхним поместьем Клавдиев. Но крышу над головой для вашей матери и пол-югера огорода за ручьём я оставлю в безвозмездное пользование. И остаток долга в восемьдесят ассов спишу подчистую, прямо сейчас соскоблю воск при свидетелях.

— Взамен на что? — спросил Марк, хотя уже кожей почувствовал, куда клонит ростовщик.

— Взамен на две ваши головы в цензорских списках, — Спурий наклонился с седла пониже, сбавив голос. — Вчера вечером из Рима прискакал вестовой. Консулы Гней Корнелий и Гай Дуилий объявили чрезвычайный набор. Карфагенские триремы жгут италийские берега, а в Остии спускают на воду сто новых больших кораблей. Сенат обязал каждую сельскую трибу и роды патронов выставить людей на вёсла и на палубы. Только вот сыновья богатых хозяев в морскую блевотину лезть не хотят — на море ни земельных наделов, ни богатой добычи, одна солёная вода да пунийские тараны. Патрон велел мне собрать двадцать крепких плебеев из пятого разряда и пролетариев, чтобы закрыть квоту нашей трибы.

Он достал из седельной сумы тяжёлый кожаный мешочек, в котором глухо, весомо звякнула литая медь.

— Пойдёте оба добровольцами к столу трибунов на Марсовом поле — долг погашен полностью, мать остаётся в доме с огородом, а сверху получите от меня по двадцать ассов подъёмных на руки, чтобы купить ей зерна на зиму. Откажетесь — послезавтра суд пустит хижину с молотка, старуха пойдёт с сумой по Аппиевой дороге, а вы двое сгниёте в тибурских штольнях с кирками в руках. Выбирай, сабин. До полудня мне нужно подать списки в Куры.

Над пашней повисла звенящая тишина. Слышно было только, как тяжело, со свистом дышит в ярме старый бык да сухо трещат кузнечики в выгоревшей полыни на меже.

Марк посмотрел на свои руки. Двадцать два года он вгрызался этими руками в каменистую глину, таскал корзины с навозом на крутой склон, чинил плетни, платил налоги и молился богам Термину и Сатурну, чтобы колос налился хотя бы в полмеры. И всё это время петля на шее затягивалась всё туже, год за годом, неумолимо, как ворот осадной машины. Здесь, на берегу высохшего ручья, не было выхода — только медленная смерть в чужой долговой яме. А там, за тридцатью милями пыльной Соляной дороги, было море, которого он никогда в жизни не видел, чужие корабли и железо в руках.

— Корабли строят для гребцов или для воинов? — тихо спросил Марк.

— У вас с братом ещё числится за душой четыре югера, пока мы не перебили межевые камни, и отцовский шлем с нагрудной бляхой в сундуке, — деловито ответил Спурий. — По цензу пройдёте в пятый разряд или в младшие гастаты морской пехоты. Вёсла крутить будут союзники и безземельные пролетарии с городских окраин, а вас поставят на палубу с копьями — если, конечно, центурион на смотре не решит иначе. Ну так что? Соскабливаем воск?

Тит шагнул к брату вплотную. Мальчишка больше не дрожал — его худые скулы заострились, а в глазах мелькнул тот отчаянный, шальной азарт, с каким затравленный волчонок бросается на рогатину.

— Соглашайся, Марк, — негромко шепнул он. — В каменоломнях мы матери не поможем, да и пыль там невкусная. А с войны ещё возвращаются. К тому же всегда хотел посмотреть, как выглядит вода, которой больше, чем в нашей луже за огородом.

Марк медленно подошёл к быку, выдернул деревянную занозу из ярма и освободил шею животного. Потом повернулся к Спурию Клавдию и протянул раскрытую, серую от въевшейся сабинской глины ладонь:

— Давай табличку и медь. Выступаем на рассвете.

II. Dilectus in Campo Martio

Марсово поле пахло конским навозом, мокрой овчиной и страхом десяти тысяч человек, согнанных в одну огороженную канатами пойму.

За два дня пешего перехода по Соляной дороге подошвы сандалий Марка стёрлись до самой кожи, а плечо под лямкой мешка с ячменной мукой и отцовским бронзовым шлемом налилось деревянной, гудящей тяжестью. Рим не встретил их величием — за Коллинскими воротами тянулись кривые, заваленные нечистотами улочки из необожжённого кирпича, крытые почерневшей дранкой, а здесь, за Сервиевой стеной, у мутного изгиба Тибра, раскинулся огромный, растоптанный в бурую жижу табор.

С самого рассвета моросил мелкий мартовский дождь.

Люди стояли плотными, гудящими толпами по трибам. Квиринская, Велинская, Сергиева, Клавдиева — пастухи с предгорий в козьих шкурах мехом наружу, угольщики из лесов под Цере с въевшейся в морщины сажей, угрюмые безземельные батраки с берегов Анио. У большинства в руках не было ничего, кроме кизиловых рогатин да узелков с сухим сыром и луком. Семьи тех, кто жил поближе, жались за верёвочным ограждением: женщины в тёмных платках молча протягивали сквозь строй лепёшки, старики опирались на палки, глядя, как писцы у деревянных помостов выкликают имена их сыновей.

В центре поля, на возвышении перед алтарём Марса, стояли курульные кресла. Над ними на высоких древках поникли под дождём красные военные знамёна, а рядом неподвижными изваяниями застыли ликторы с пучками вязовых прутьев и воткнутыми в них секирами.

— Списки Клавдиевой трибы! — проревел с помоста глашатай с медной бляхой на груди, перекрывая гул толпы. — По четверо к столу трибунов! Кто не отзовётся на имя — штраф в десять овец и продажа имущества с торгов!

— Десять овец... — пробормотал Тит, косясь на глашатая и ёжась под дождём. — Марк, ты слыхал? Если у тебя нет десяти овец, ты можешь хоть трижды не отзываться — пусть пробуют взыскать с нашей дохлой козы.

— Помолчи, — тихо оборвал его Марк, но уголок его рта дрогнул.

Спурий Клавдий, приведший свою партию из двадцати сабинских должников, суетливо толкнул братьев в спину:

— Живее, парни, живее! Становитесь в первый ряд, грудь колесом, шлем в руки на виду держите! Когда писец спросит про ценз — говорите, как учили: четыре югера пашни и дом в Курах, пятый разряд, пехота! Про списание долга ни звука, в цензорских книгах старая запись до следующей пятилетки висит!

Марк молча шагнул на утоптанный настил перед длинным дубовым столом. Тит держался вполшага позади, прижимая к бедру круглую бронзовую бляху-кардиофилакс — всю отцовскую броню, крепившуюся ремнями крест-накрест на груди.

За столом сидели трое военных трибунов в коротких плащах, застёгнутых на правом плече бронзовыми фибулами, и двое писцов с целыми стопками навощённых табличек. Но распоряжался распределением не юный патриций в центре, лениво кутавшийся от сырости в красную шерсть, а стоявший сбоку от стола приземистый, квадратный центурион лет сорока

пяти. Его лицо от виска до подбородка пересекал старый, синеватый рубец от эпирского копья, а в правой руке он держал толстую виноградную лозу — отполированную чужими спинами до жёлтого костяного блеска.

Перед братьями у стола стояли двое городских ремесленников из Субуры — сутулый горшечник с кривыми пальцами и тощий подмастерье-красильщик, от которого за пять шагов разило тухлой мочой, используемой для варки сукна.

— Имущество? — не поднимая глаз от свитка, бросил писец.

— *Capite censi*, господин трибун, — виновато забормотал горшечник, комкая у груди шапку. — Подушный счёт. Ни земли, ни меди, только круг гончарный в наёмной лавке...

Центурион со шрамом даже не дал ему договорить. Кончик виноградной лозы коротко ткнул горшечника в ключицу, указывая налево — туда, где у самого берега Тибра за двойным рядом стражи сбивали в колонны хмурых, полуголых оборванцев.

— В седьмую сотню гребцов. Оба. Живо.

— Господин центурион, у меня грыжа паховая и пальцы свело от глины, какое мне весло... — начал было ремесленник, но лоза со свистом рассекла сырой воздух и с глухим, мокрым шлепком легла по его плечу.

— На скамье выпрямит! Следующие!

Марк и Тит шагнули к краю стола.

— Марк Валерий, сын Луция, и Тит Валерий, сын Луция, триба Клавдия, — отчеканил Марк, выкладывая на мокрые доски перед писцом отцовский бронзовый шлем типа монтефортино с помятым нащечником и старый, сточенный оселком на треть ширины короткий меч в деревянных ножнах. — Ценз одиннадцать тысяч ассов. Четыре югера в Курах. Записаны за родом Клавдиев.

Писец зашуршал табличками, сверяя роспись трибы, и кивнул:

— Есть такие. Луций Валерий умер в прошлый год, сыновья в пятом разряде. По старому расписанию — велиты или пращники.

Молодой трибун за столом скучающе повернул голову к квадратному центуриону:

— Гиртий, куда их? В пращники к первому легиону или на вёсла? В Остии недобор две тысячи рук на нижний ярус.

У Тита под мокрой туникой мгновенно натянулись жилы на шее. Нижний ярус гребцов — *thalamitae* — сидел в самом трюме, в кромешной темноте под ногами верхних рядов, куда стекали пот, нечистоты и трюмная вода, и откуда при пробое борта тараном не выбирался никто.

Центурион Гиртий не спеша вышел из-за стола, подошёл к братьям вплотную и бесцеремонно, как покупатель на бычьем рынке у моста, ткнул концом лозы Марку под подбородок, заставляя поднять голову. Острый, выцветший взгляд ветерана скользнул по широким, развёрнутым от рала и топора плечам сабина, опустился на тяжёлые, бугристые предплечья и раскрытые ладони с костяными мозолями.

Потом Гиртий вдруг перевернул лозу и с силой ударил древком по мешку на левом плече Марка. Марк даже не качнулся — стоял, вбив широкие ступни в раскисшую грязь Марсова поля, как в каменистую борозду дома, и смотрел прямо в изуродованную шрамом скулу центуриона.

— Этот стоял на ногах, когда Пирр под Беневентом слонов пускал? — спросил Гиртий, переводя взгляд на писца.

— Нет, по годам не вышел. Ему двадцать второй, младшему — скоро семнадцать.

— Жаль. Порода старая, сабинская, — центурион перевёл взгляд на худого, вытянувшегося в струнку Тита и усмехнулся углом рта. — А этот ещё зелёный, ветром с палубы сдует. Разделить: старшего — в манипулярии морской пехоты ко мне на третью квинкверему, младшего — на вёсла в средний ярус, пусть спину нагуляет.

Тит дёрнулся вперёд, забыв про страх перед ликторами, но Марк перехватил его за запястье железной хваткой, вжимая на место, и сам сделал полшага к столу.

— Мы по списку патрона идём парой, центурион, — глухо, но твёрдо сказал Марк. — Оба с оружием. Вчера в Курах мы сдали надел, чтобы не идти по суду в каменоломни. Если поставишь брата в трюм к безземельным и колодникам — я сам сяду рядом с ним на скамью. Спроси у Клавдия за верёвкой, за что он платил подъёмную медь: за двух воинов на палубе или за двух гребцов.

За столом повисла короткая, опасная тишина. Рука писца со стилосом замерла над воском. Молодой трибун нахмурился, приподнимаясь с кресла:

— Ты смеешь торговаться на военном наборе, плебей? Ликторы!

Но центурион Гиртий вдруг коротко поднял раскрытую ладонь, останавливая юношу. На его обветренном, сером лице не появилось улыбки, только в глубине прищуренных глаз мелькнул холодный, оценивающий огонёк человека, который двадцать лет водил людей на убой и знал цену упрямству.

Он подошёл к Титу, взял из его рук круглую бронзовую бляху отца, постучал по ней костяшкой пальца — металл отозвался чистым, густым звоном — и с размаху швырнул её обратно мальчишке в грудь так, что тот едва устоял на ногах, но бляху не выронил.

— Ишь ты, волчата с гор, — прохрипел Гиртий. — На воде вам не за межой с соседом кольями махать. Там доска под ногой ходит ходуном, а когда карфагенская семирядка идёт в борт — половина таких смелых в штаны гадит раньше, чем весло хрустнет. Ладно. Запиши обоих в морские гастаты, четвёртая центурия, отряд корабля «Кастор». Выдать со склада в Остии казённые скутумы и по два тяжёлых пилума под расписку из жалованья. Но учти, сабин, — лоза центуриона упёрлась прямо в кадык Марка, — если твой сопляк на палубе дрогнет или выронит щит в воду, шкуру на ремни я спущу с тебя. Перед всем строем. Понял меня?

— Понял, центурион, — не моргнув, ответил Марк.

— Не переживай, центурион, — не удержался Тит, прижимая бронзовую бляху к груди. — Штаны я всё равно в Курах забыл, так что позорить тебя будет нечем.

Гиртий на миг замер, глядя на нахального мальчишку, потом коротко, лающе хмыкнул:

— Язык у тебя длиннее пилума, щенок. Посмотрим, как ты им будешь махать, когда пунийцы в гости зайдут. К алтарю. Присягать!

Через полчаса, стоя на коленях в жидкой холодной грязи перед каменным жертвенником, где в медном тазу дымилась смешанная с дождевой водой бычья кровь, Марк положил ладонь на рукоять отцовского меча и слово в слово повторил за военным трибуном древнюю, рубленую формулу *sacramentum*: идти за консулами Гнеем Корнелием и Гаем Дуилием по суше и по морю, не покидать строя ради спасения жизни и повиноваться командирам до последнего вздоха.

Рядом, стуча зубами от сырости и пережитого напряжения, те же слова шептал Тит.

Сзади, за канатами ограждения, Спурий Клавдий удовлетворённо кивнул межевщику, аккуратно завернул свои долговые таблички в промасленную кожу, развернул серого мула и поехал обратно к Соляной дороге — вступать во владение четырьмя югерами сабинской земли, хозяева которой теперь принадлежали Республике и морю.

III. Exemplar Punicum

Остия встретила их не морем, а едким, прилипчивым чадом кипящей бриттийской смолы, от которого в горле першило так, словно наглотался толчёного угля.

Шестнадцать миль от Рима вниз по течению Тибра четвёртая центурия шла под непрекращающимся мартовским ливнем. Дорога вдоль соляных варниц превратилась в рыжую, вязкую кашу, перемешанную сотнями бычьих упряжек, тащивших с верховьев реки тяжёлые

плоты и брёвна. Когда колонна новобранцев спустилась с последнего глинистого пригорка к устью, Тит невольно замедлил шаг и приоткрыл рот.

За плоскими крышами соляных складов и бурым, вздувшимся от весенней грязи руслом Тибра до самого низкого свинцового неба вставала серая, кипящая белыми барашками стена.

Море не лежало внизу, как озеро или река в долине. Оно громоздилось вверх, дышало тяжёлым, глухим гулом, от которого мелко дрожала мокрая галька под подошвами, и несло в лицо резкий, холодный запах гниющих водорослей, йода и какой-то древней, равнодушной пустоты.

— Рот закрой, сабин, ворона влетит, — беззлобно буркнул шедший слева десятник Спурий Лукреций, коренастый ветеран с кривыми от ревматизма пальцами, и пихнул Тита древком копья под локоть. — Насмотришься ещё, когда за борт блевать будешь. Шагай шире, центурион у доков ждёт.

— Десятник, — Тит наконец закрыл рот и покосился на бушующую серую даль, — а оно всегда такое... неровное? Его бы бороной пройтись, а то на нём и телегу не поставишь.

Лукреций фыркнул в мокрую бороду, а пара шагавших рядом сабинских новобранцев, до этого мрачно молчавших, невольно прыснула со смеху.

Весь песчаный берег на две мили к югу от устья был взрыт и обращён в один гигантский, грохочущий муравейник. Здесь не было каменных пристаней — прямо в дюнах, под открытым небом и наспех сколоченными навесами из парусины, дымили сотни смолокурен, визжали двуручные пилы и дробно, без единой секунды перерыва стучали тысячи плотницких топоров и деревянных киянок.

Но центром всего этого деревянного безумия был закрытый навес у самого старого портового канала, огороженный двойным рядом копейщиков.

Центурион Гиртий остановил сотню у складов казённого снаряжения, где интенданты с ворчанием выдавали под роспись тяжёлые, пахнущие сырой бычьей кожей и клеем овальные скутумы, но прежде, чем вести людей в палатки, кивнул десятникам:

— Ведите манипуляриев к первому стапелю. Пусть поглядят своими глазами, на чём воевать плывём и против кого. Деревенщине полезно знать, в какое брюхо они завтра полезут.

Под высоким просмолённым тентом, на массивных дубовых кильблоках, врытых в утрамбованный песок, покоился скелет чудовища.

Это была карфагенская пентера — пятирядная боевая галера, которую четыре года назад люди консула Аппия Клавдия перехватили на мелководье в Мессанском проливе, когда пунийский кормчий в тумане выскочил на камни у берега. Римляне, до того дня строившие только небольшие беспалубные барки да береговые триеры союзников-греков, притащили трофей в Остию на буксире, как охотники притаскивают в деревню живого лесного вепря.

Корабль не просто вытащили на сушу — его препарировали, словно тушу на столе мясника.

Левый борт галеры оставили нетронутым: сорок пять шагов стремительного, хищно выгнутого корпуса из тёмного, почти шоколадного атласского кедра, обшитого вгладь без единого выступающего шва. На носу, у самой ватерлинии, тускло зеленел в полумраке литой бронзовый таран-трезубец весом в тридцать талантов, отлитый с такой чистотой, что на его верхнем ребре до сих пор читалось рельефное клеймо карфагенского арсенала — конская голова и солнечный диск Баал-Хаммона. Выше тарана, по скулам носовой части, были намалёваны восковыми красками два огромных, обведённых чёрным и киноварью глаза, которые смотрели на толпящихся в грязи сабинских и латинских крестьян с холодным, немигающим презрением.

А правый борт пентеры был вскрыт от киля до верхней палубы.

Мастера из Тарента и Неаполя аккуратно, доска за доской, выбили бронзовые нагели, сняли наружную обшивку и разложили каждую деталь на длинных деревянных козлах вдоль стапеля, обнажив частые, крутоизогнутые рёбра шпангоутов, мощные продольные бру-

сья-стрингеры и три яруса гребных банок, расположенных сложной косой лесенкой друг над другом.

Марк подошёл к крайним козлам, невольно опустив на землю тяжёлый казённый скутум, и провёл шершавыми пальцами по снятой доске карфагенской обшивки.

Дерево было сухим, лёгким, звонким, как кость старого оленя, и пропитанным вековым кедровым маслом так глубоко, что на нём не было ни единой трещины, ни следа морского червя-древоточца. Но поразило Марка не дерево.

На торце каждой доски, на каждом дубовом шипе, скреплявшем пазы обшивки, на каждом изгибе шпангоута и даже на бронзовых кочетах для вёсел чётко, глубоким резцом и красной охрой были выведены чужие, угловатые знаки — финикийские буквы и счётные засечки.

У носового шпангоута на корточках сидел старый греческий корабел из Сиракуз по имени Деметрий — сухой, желтолицый старик в кожаном переднике, свинцовым отвесом и циркулем снимавший обводы пунийского киля. Два молодых римских плотника с навощёнными табличками торопливо записывали за ним каждую меру в пальцах и ступнях.

— Смотрите в оба, бычьи головы, — прогудел за спиной новобранцев центурион Гиртий, постукивая виноградной лозой по своему поножу. — Думаете, карфагеняне свои корабли топором в лесу тешут, как вы телеги под Сабинией? Чёрта с два. Этот грек вчера консулу Дуилию докладывал: в Карфагене, в их круглой военной гавани, двести двадцать каменных эллингов стоят. Там тысячи рабов годами пилят кедр и дуб по единому железному шаблону. Каждая доска, каждый шпангоут, каждое весло заранее размечены буквами их проклятого алфавита и сложены на складах по номерам! Им не надо строить корабль с нуля — когда их Совет объявляет войну, они просто вытаскивают из сараев готовые меченые детали и собирают пентеру на деревянных шипах за три дня, как детский волчок!

По строю манипуляриев пробежал глухой, подавленный ропот. Тит, стоявший плечом к плечу с Марком, нагнулся к снятому карфагенскому шпангоуту, потрогал пальцем красную финикийскую букву «алеф», похожую на перевёрнутую бычью голову, и тихо хмыкнул:

— Против кузницы воюем, Марк. Они эти доски десять лет в тени сушили, ещё и подписали каждую, чтобы не перепутать, где нос, а где задница. А наши вон...

Тит кивнул за край навеса, туда, где на соседнем стапеле под проливным дождём римские плотники собирали корпус новой квинкверемы — будущего «Кастора».

Разница резала глаз даже сухопутному пахарю.

Рядом с изящным, сухим и хищным скелетом карфагенянки римский корпус на соседних козлах казался грубым, раздутым и неуклюжим, как наспех сколоченное корыто для свиней. Копии пунийских меток — жирные римские цифры I, II, III, IV — были криво намалёваны углём прямо по мокрой, ещё сочащейся белой пеной и живицей древесине апеннинской пихты.

Старший плотник соседнего стапеля с размаху вогнал железной кувалдой дубовый нагель в паз обшивки. От удара из сырой доски во все стороны брызнул древесный сок, по свежей сосне со звонким треском побежала продольная щель в два пальца шириной, и подручный тут же, не останавливая работы, принялся забивать в трещину паклю из старых пеньковых канатов, заливая сверху кипящим чёрным варом из черпака.

— Гляди, брат, — шепнул Тит, кивнув на брызжущую соком доску, — зато если мы в море оголодаем, можно будет борт обгрызать. Свежатина, ещё шишки пахнут.

Старый корабел Деметрий обернулся на этот треск, болезненно поморщился, словно ему самому вывернули зуб, и сплюнул в опилки.

— Безумцы, — негромко, по-гречески с тяжёлым дорийским выговором проворчал он, не глядя на стоящего рядом римского центуриона. — Вы копируете форму ястреба из мокрой глины и надеетесь, что он полетит. Через месяц в солёной воде эти сырые доски усохнут на полпальца, пазы разойдутся, а сама посудина напитается водой и станет тяжёлой, как мель-

ничный жёрнов. Первая же пунийская эскадра обойдёт вас вокруг пальца, переломает вёсла и пустит ко дну одним ударом тарана.

Гиртий понял грека отлично — двадцать лет войн в Великой Греции научили старого служаку понимать эллинскую ругань без переводчика. Центурион подошёл к корабелу вплотную, наступив тяжёлой подкованной калигой на конец его разметочного шнура.

— Нам не надо летать вокруг них, грек, — хрипло сказал Гиртий, глядя сверху вниз на сутулого мастера. — И через месяц эта посудина нам тоже не нужна. Нам нужно, чтобы сто этих корыт продержались на плаву ровно столько, сколько потребуется вот этим парням, чтобы дойти до Сицилии, сцепиться с пунийцами борт о борт и перерезать им глотки на их же сухих кедровых палубах. А плотникам своим передай: кто к апрельским идам не сдаст корпус в воду — пойдёт на этот же корабль нижним гребцом под замок.

Он развернулся к притихшей центурии и коротко взмахнул лозой:

— Нагляделись? А теперь — щиты в палатки, топоры и пилы в руки! До вечера вся четвёртая центурия идёт на разгрузку плотов к Тибру. Корабли сами себя из леса не вытащат. Бегом, сабинская порода!

Уходя из-под навеса под холодный секущий дождь, Марк ещё раз оглянулся на вскрытое брюхо карфагенской пентеры. В полумраке стапеля нарисованный киноварью глаз на носу трофея, казалось, провожал их строй с ледяной, спокойной усмешкой — там, за серым горизонтом бушующего моря, таких кораблей были сотни, и вели их люди, для которых море было родным домом, а не чужой солёной пашней.

IV. Silva Caesa

Склоны Апеннин выше Тибура, где веками стояла густая, звонкая тишина священных пихтовых рощ, теперь ревели и стонали, как осаждённый город.

Четвёртую центурию не оставили в Остии — уже через три дня после смотра Гиртий погнал своих манипуляриев вверх по размытым берегам Анио, в предгорья, откуда по весеннему паводку сплавляли лес для сотни консульских кораблей. Вместо пилумов и щитов на плечах новобранцев лежали широкие двуручные пилы, железные клинья и тяжёлые лесорубные секиры на длинных ясеневых топорищах.

Лес рубили без разбора и без молитв Сильвану.

На строительство ста квинкверем и двадцати трирем сенат отпустил консулам шестьдесят дней — срок, за который в нормальное время хороший плотник не взялся бы высушить даже дубовый брус для тележной оси. Под топор шло всё, что росло ближе трёх миль от воды: столетние чёрные сосны с крутых осыпей, прямые, как копья, серебристые пихты для мачт и вёсел, корявый скальный дуб для килей и таранных бимсов.

Марк с размаху вогнал лезвие топора в подруб у корня огромной, в три обхвата, апеннинской пихты. Из глубокой клиновидной раны на железо и на его голые по локоть руки тут же выступила густая, ледяная живица. Дерево было живым — оно уже тянуло корнями мартовскую талую воду из горного известняка, и каждый удар отзывался в стволе глухим, влажным гулом.

— Отойди к комлю, Тит! — крикнул Марк, выдергивая завязшее лезвие и отступая на полшага по скользкой от мокрой хвои и глины круче. — Сейчас пойдёт! Ветер с перевала, верхушку крутит!

Тит, стоявший с другого бока дерева с тяжёлой деревянной кувалдой и железным клином, торопливо отскочил за соседний валун. За неделю на лесоповале его лицо обветрилось и покрылось ссадинами от летящей щепы, а ладони, обмотанные полосами старой тряпицы, насквозь пропитались смолой и сукровицей.

Над лесом прокатился сухой, пушечный треск.

Пихта дрогнула, секунду постояла вертикально, словно не желая расставаться с небом, а потом медленно, с нарастающим свистом рассекаемого воздуха, повалилась вниз по склону, ломая сучья молодых грабов и взметая к серым тучам фонтан прелого листа, камней и бурой грязи. Земля под ногами братьев тяжело ухнула.

Не давая стволу даже перестать вздрагивать, из кустов уже бежали обрубщики из шестого десятка с короткими топорами и скобелями, на ходу сдирая кору и отсекая пахучие зелёные лапы.

— Шевелись, сабины, шевелись! — снизу, от просеки, где дымили походные кузницы для правки затупившихся пил, поднимался центурион Гиртий в наброшенном на плечи медвежьем плаще, с которого ручьями стекала вода. — Консул Дуилий вчера из Остии всадника прислал: тридцать стапелей стоят без шпангоутов! Если к вечеру не сбросим в Анио пятьдесят стволов, ночевать будете здесь, без костров и без пайка!

Он остановился у только что поваленной пихты, пнул подкованной калигой белый, истекающий пенистым соком срез и удовлетворённо хмыкнул:

— Добрая лесина. Прямая. На килевой брус для восемнадцатого номера пойдёт. Эй, десятник! Гони быков с цепями сюда, пока грязь совсем не раскисла!

Спурий Лукреций, ведший на поводу пару огромных, мычащих от натуги белых умбрийских волов, угрюмо сплюнул в хвощ и покачал головой, глядя на свежий пень:

— Грех это, центурион. Отец мой в Арреции плотничал — говорил, пихту надо рубить в декабре, на убывающей луне, когда сок в корни уходит, и год выдерживать под навесом на сквозняке. А мы живое дерево с листа валим, прямо с весенней водой внутри. Из него же смола не выйдет — оно в море за месяц сгниёт изнутри и червём пойдёт.

Гиртий повернул к ветерану своё пересечённое синим шрамом лицо.

— Твой отец, Лукреций, сундуки для приданого девкам делал, чтобы сто лет стояли, а мы строим флот на одно лето, — отрезал центурион. — Карфагеняне вчера у Липарских островов четыре наших транспорта сожгли. Если мы будем ждать убывающей луны и сушить доски по науке, к осени пунийские наёмники будут поить своих коней из Тибра. Зацепляй комель! Марк, Тит — берите ваги, поддевайте ствол с левого бока, чтобы за камни не цеплял!

Марк молча подобрал шестифутовый дубовый рычаг, загнал обтёсанный конец под мокрый, скользкий от ободранной коры бок пихты и навалился всем телом. Рядом, крякнув от напряжения, впрягся в свою вагу Тит.

Спуск брёвен к реке был страшнее самой рубки.

Узкая, выбитая сотнями предыдущих стволов глинистая ложбина круто уходила вниз, к кипящему в каменных берегах Анио. Волы тянули спереди на длинных железных цепях, а двадцать манипуляриев с обеих сторон упирались шестами и баграми, не давая многотонной махине развернуться поперёк склона и смести людей в пропасть. Два дня назад на соседней делянке у третьей центурии лопнул сыромятный потяг — сорвавшийся дубовый кряж прокатился по сцепщикам, как каменный каток, оставив в рыжей глине четыре раздавленных, перемешанных с хвоей тела.

— Держи! Упирайся в камень! — хрипел Марк, чувствуя, как под подошвами его калиг плывёт жидкая глина, а сырое бревно, набирая ход на крутизне, начинает давить на дубовую вагу с живой, слепой яростью.

На середине спуска левое колесо передка, на который был положен комель, попало в глубокую промоину. Цепь натянулась со звоном тетивы, правый бык поскользнулся, рухнув на локти в грязь, и тяжёлый комель пихты резко вильнул в сторону — прямо на Тита, который не успел выдернуть свой рычаг из-под ствола.

— Бросай вагу! — заорал Марк.

Тит попытался отпрыгнуть, но его правая нога по щиколотку увязла в вязком глиняном месиве между корнями бука. Серый, сочащийся смолой торец бревна неумолимо полз на его бедро.

Марк не думал — тело сработало быстрее мысли, как тогда, дома, когда на крутом повороте пашни заваливалось гружёное камнем ярмо. Он не бросил свой рычаг, а перехватил его ближе к концу, шагнул вперёд, прямо под нависающую тяжесть, и со всей сабинской силой, до кровавого тумана в глазах, вогнал дубовый кол в расщелину известнякового выступа перед самым коленом брата.

Бревно со страшным глухим ударом врезалось в дубовую вагу.

Дерево толщиной в руку взвыло, выгнулось дугой и треснуло вдоль волокон. Отдача ударила Марка по рукам и груди так, словно его лягнул боевой мул, плечи обожгло острой болью, но этой доли секунды хватило — тяжёлый комель, скользнув по сломанному рычагу, упёрся носом в каменный выступ и замер, осыпав братьев холодными брызгами грязи.

Подскочивший Спурий Лукреций одним рывком за шиворот выдернул бледного Тита из-под бревна, оставив его развязанную калигу в глине.

— Живой? — коротко выдохнул Марк, приваливаясь спиной к мокрому боку пихты и глядя на свои дрожащие, ободранные в кровь ладони.

— Живой... — Тит тяжело дышал, глядя на расщеплённый дубовый обломок, зажатый между камнем и бревном в двух пальцах от того места, где только что было его колено. Потом судорожно сглотнул и выдавил кривую, побелевшую усмешку: — Ты смотри, Марк... чуть казённый сапог не погубил. Гиртий бы за него с меня три шкуры содрал — и прямо поверх сломанной ноги. Спасибо, брат.

Лукреций, вытаскивавший из грязи потерянную калигу, коротко хмыкнул и швырнул её Титу в колени:

— Обувайся, шутник. С твоим везением тебя и пунийский таран не возьмёт — отскочит.

К ночи они спустили лес к воде и вернулись в Остию на третьи сутки, сопровождая по Тибру длинные, связанные ивовыми канатами караваны плотов.

За те десять дней, что центурия провела в горах, берег устья изменился до неузнаваемости. Там, где недавно в дюнах торчали лишь голые дубовые кильблоки, теперь на два милевых столба вдоль моря выстроился настоящий деревянный город из ста ребристых остовов. Работы не прекращались ни днём, ни ночью. В темноте вдоль стапелей горели сотни железных жаровен с просмолёнными сосновыми чурками; в их багровом, прыгающем свете тысячи полуголых плотников, рабов, союзников-греков и легионеров копошились внутри огромных деревянных скелетов, словно муравьи в рёбрах павших зверей.

Шестьдесят дней, назначенных сенатом, сжимали людей и дерево в один бешеный, безостановочный круговорот.

Только что пригнанные сверху по реке пихтовые брёвна вытаскивали волами прямо из мутной воды Тибра на распиловочные козлы. Древесина даже не успевала обсохнуть на ветру — четвёрки пильщиков тут же распускали мокрые, истекающие пеной стволы на толстые доски, в два пальца толщиной. Ещё тёплые от трения пил плахи тут же несли к чанам с кипящей солёной водой, распаривали над огнём, сгибали лебёдками по лекалам пунийской пентеры и наживую, под грохот молотов, прибивали к сырым дубовым шпангоутам.

Марк и Тит, поставленные в ночную смену к четвёртому стапелю, таскали на носилках тяжёлые вёдра с кипящим бриттийским варом и пеньковую паклю для конопатчиков «Кастора».

Корпус их будущего корабля уже обрёл форму, но вблизи он казался живым, страдающим существом. Сырая апеннинская сосна сопротивлялась насилию: зажатая железными скобами и дубовыми нагелями, она всю ночь глухо стонала, стреляла смоляными сучками и коробилась

прямо под руками плотников. В пазах между досками обшивки то и дело открывались свежие щели, из которых сочилась розовая древесная пасока, смешанная с дождевой водой.

Конопатчики — угрюмые корабельные рабы из Тарента с чёрными, обожжёнными горячей смолой пальцами — даже не пытались подгонять доски вгладь, как на карфагенском образце. Они просто забивали железными долотами в расползающиеся швы целые жгуты просмолённой кудели и овечьей шерсти, заливали их сверху густым слоем чёрного вара с козьим салом и тут же прибивали поверх шва свинцовые полосы, чтобы вода не вымыла паклю в первый же час плавания.

— Тяжеленный будет, как каменный саркофаг, — глухо сказал Тит, опуская пустое ведро у смоляного котла и глядя вверх, на высокий, грубо отёсанный борт «Кастора», где при свете факелов плотники настилали верхнюю боевую палубу для пехоты. — Зато, Марк, если утонем, хоронить не надо — прямо в этом гробу ко дну и пойдём, ещё и с крышкой. Как они на вёслах такую колоду против ветра потянут?

Марк посмотрел на соседний стапель, где у носовой части уже готового корпуса под присмотром самого консула Гая Дуилия и какого-то человека в греческом плаще плотники с помощью блоков устанавливали странное, невиданное прежде сооружение — толстый, окованный железом столб высотой в четыре человеческих роста и длинный деревянный помост с перилами, похожий на осадную сходню для штурма городских стен.

— Им и не нужно тянуть его быстро, Тит, — тихо ответил Марк, вытирая со лба смешанный с копотью пот и глядя на тяжёлый железный шип, загнутый, как клюв хищной птицы, который кузнецы приклёпывали к нижнему концу подвесного помоста. — Наше дело — не бегать от них по морю. Наше дело — дождаться, пока этот железный клюв пробьёт их сухой кедр, и шагнуть на ту сторону.

Над Остией занимался холодный, ветреный рассвет сорок пятого дня стройки. Из сотни заложенных кораблей шестьдесят уже чернели готовыми просмолёнными бортами вдоль берега, готовые к спуску в серую, неспокойную воду Тирренского моря.

V. Remigium in Harena

Море штормило пятые сутки, накатывая на отмели Остии мутные, пенные валы, но тридцать тысяч человек уже гребли против ветра — ни на шаг не сходя с сухого прибрежного песка.

Пока корабелы в дыму смолокурен дошивали борта последних пентер, вдоль всего берега Тибра на две мили выросли странные, продуваемые всеми сквозняками деревянные скелеты. Плотники вкопали в дюны сто рядов массивных сосновых козел, в точности повторявших внутреннее чрево будущих квинкверем — три яруса узких скамей, расположенных крутой косой лесенкой друг над другом.

Республика не могла ждать, пока корпуса спустят на воду, чтобы учить вчерашних пахарей и пастухов держать весло.

Четвёртая центурия морской пехоты стояла в оцеплении вокруг каркаса будущего «Кастора», опираясь на древки копий. На груди Тита поблёскивала отцовская бронзовая бляха-кардиофилакс, а Марк получил со склада тяжёлый казённый нагрудник из толстой варёной кожи, усиленный железными пластинами, — поверх них уже лёг слой рыжей дорожной пыли и морской соли. Братья молча смотрели на то, во что превращали людей на соседних скамьях.

На трёх ярусах деревянного помоста, зажатые плечом к плечу в тесноте, сидели триста гребцов — *socii navales*.

Здесь были самнитские горцы, пригнанные по союзной развёрстке из-под Бовиана, безземельные пролетарии из римской Субуры, вольноотпущенники и выкупленные казной должники. На каждое тяжёлое, десятиметровое весло из цельного ствола молодой пихты, утяжелённое у рукояти свинцовой чушкой для противовеса, приходилось по пять человек.

Внизу, в вырытой в песке траншее, изображавшей трюм, в полумраке под ногами остальных сидели *thalamitae* — гребцы нижнего яруса. Над ними, упираясь коленями в спины передних, нависали *zygitae* среднего ряда, а на самом верху, на высоте двух человеческих ростов над дюнами, раскачивались *thranitae*, которым доставались самые длинные и неповоротливые рукояти.

В центре помоста, на узком возвышении, стоял греческий келевст из Неаполя — сухой, жилистый старик с медным молотком в правой руке и деревянной колодкой перед грудью.

— Приготовились! Весло на воду! — гортанно, нараспев выкрикнул грек на ломаной латыни, и его молоток сухо, звонко ударил по дубовой колодке: *тук!*

Триста человек на трёх ярусах одновременно подались вперёд, вытягивая руки с тяжёлыми сосновыми рукоятями. Концы вёсел, пропущенные сквозь кожаные петли на боковых брусьях, с глухим шорохом зарылись не в морскую волну, а в мокрый, перемешанный с ракушечником песок берега.

— Раз! На грудь! — *тук!*

Люди с общим натужным стоном откинулись назад, упираясь босыми ступнями в поперечные планки и выворачивая на рукоятях пуды сырого песка.

На верхнем ярусе, у третьего весла правого борта, сидел тот самый сутулый горшечник из Субуры, которого центурион Гиртий на Марсовом поле отправил на вёсла ударом лозы. Его худые, привыкшие к мягкой гончарной глине руки дрожали, пальцы соскользнули с мокрой от пота древесины; он опоздал с рывком на полвздоха.

Тяжёлый комель верхнего весла потерял ход, его лопасть внизу захлестнулась со средним веслом.

Следом шёл удар: задний ряд четвёртой скамьи, не видя за спинами заминки, на полном ходу подался вперёд для нового замаха — и многопудовая рукоять со свинцовым грузом со всего маху врезалась горшечнику между лопаток.

Раздался короткий, сухой хруст сломанной ключицы и дикий крик.

Вся правая сторона деревянного каркаса мгновенно сбилась с ритма. Вёсла со стуком скрестились, люди на среднем ярусе повалились друг на друга, прищемив пальцы соседям, а снизу, из песчаной ямы трюма, понеслась отборная оскская и латинская брань.

Молоток келевста замер в воздухе. Грек даже не повернул головы — только брезгливо поджал сухие губы.

Зато вдоль деревянного борта уже шёл центурион Гиртий.

Он не кричал. Спокойно, деловито поднявшись по приставной лестнице на верхний настил, ветеран схватил воющего от боли горшечника за волосы на затылке, рывком выдернул его со скамьи и сбросил вниз, в мокрый песок, прямо к ногам стоявших в оцеплении Марка и Тита.

— Санитарную повозку этому не надо, — хрипло бросил Гиртий вниз десятнику Лукрецию. — Кость срастётся — пойдёт в обоз канаты крутить. Поставить на его место запасного из десятка самнитов!

Центурион повернулся к затихшим рядам гребцов, медленно поднял свою отполированную виноградную лозу и провёл ею по головам верхнего яруса:

— Слушайте меня, падаль сухопутная! Здесь, на песке, за сбитый счёт я ломаю спину лозой. А через десять дней, когда мы выйдем в пролив против карфагенян, за одно скрещённое весло всю вашу скамью из пяти человек размозжит в кровавую кашу собственным комлем, когда пунийская галера пройдёт вдоль борта! У вас нет рук, нет имён и нет своих голов — у вас есть только уши и молоток келевста! Если сосед рядом сдох от разрыва сердца — не сметь бросать рукоять, пока не прозвучит сигнал к тарану! Греби через труп! Келевст — сначала! Дать темп на таранный разгон!

На место горшечника, перешагивая через скулящее на песке тело, молча влез угрюмый черноволосый самнит с бычьей шеей и взялся за окровавленную рукоять.

Тук! Тук! Тук! — зачастил медный молоток грека.

Три сотни спин — белых городских, бурых крестьянских, исполосованных старыми рубцами пастушьих — снова качнулись вперёд и назад, сливаясь в одну тяжёлую, скрипучую, залитую потом машину. Вёсла со свистом рубили воздух и с глухим шуршанием вгрызались в прибрежный песок. На деревянных рукоятях оставались бурые полосы от сорванных в мясо мозолей, с верхних ярусов на головы нижних капал солёный пот и кровь из разбитых губ, но больше никто не смел отстать от удара молотка ни на долю секунды.

Тит, стоявший рядом с Марком, проводил взглядом оттаскиваемого в сторону горшечника, потом покосился на брата и тихо, так, чтобы не услышал стоявший в пяти шагах Спурий Лукреций, проговорил:

— А ведь центурион не соврал на Марсовом поле, Марк. Помнишь, обещал горшечнику, что на скамье его выпрямит? Выпрямило так, что теперь в гроб без подгонки ляжет. Если бы ты тогда перед трибуном не встал — сидел бы я сейчас там, в нижней яме, под чужими пятками.

Марк поправил на плече ремень тяжёлого казённого скутума. Ветер с моря крепчал, неся в лицо мелкую водяную пыль и песок.

— На палубе не легче будет, Тит, — глухо ответил Марк, не отрывая взгляда от мерно качающихся над песком сосновых вёсел. — Им надо только дерево по счёту тягать. А нам на качающихся досках стоять, когда они нас к пунийским мечам подвезут. Смотри на ноги центуриона — видишь, как он колени пружинит? Учись землю под подошвой не терять. На воде некогда будет.

VI. Machina Syracusana

У четвёртого стапеля, где на кильблоках уже возвышался готовый, залитый свежим чёрным варом корпус «Кастора», со вчерашнего вечера кипела странная работа, не имевшая ничего общего с корабельным ремеслом.

Четвёртую центурию сняли с береговой муштры и пригнали к носовой части пентеры таскать брёвна и кованое железо. Но сегодня плотниками командовал не старый корабел Деметрий — сиракузец стоял в стороне, скрестив руки на груди, и с мрачным скепсисом наблюдал за тем, как четыре десятка легионеров под руководством незнакомого сухопарого грека в потёртом гиматии уродуют нос его корабля.

Инженер не называл своего имени. Солдаты в строю шептались, что он бежал из Сиракуз ещё при тиране Агафокле, строил осадные башни для эпиротов в Таренте, а в Остию явился три дня назад с тубусом пергаментных чертежей прямо к палатке младшего консула.

Марк и Тит вместе с десятком Спурия Лукреция навалились на канаты полиспаста. Бронзовые блоки на козлах натужно визжали. По деревянным направляющим на бак «Кастора» медленно ползло цельное, ошкуренное до жёлтой кости бревно столетней лиственницы — двадцать четыре фута в длину и три пяди в поперечнике. Его комель плотники намертво вгоняли в массивное дубовое гнездо прямо позади носового тарана, скрепляя с килем железными полосами в палец толщиной.

— Ещё на полпальца влево! — звонко, перекрывая шум верфи, крикнул безымянный инженер, прикладывая к столбу свинцовый отвес. — Бейте клинья в пяту! Если при ударе столб даст люфт хотя бы на ширину ногтя, вся балка вывернет палубный настил вместе с кнехтами!

Когда вертикальный столб встал на место, словно вторая, уродливо толстая мачта на самом носу, к нему на высоте человеческого роста подвели широкую деревянную сходню.

Марк, вытирая пот с шеи, вгляделся в её устройство. Это был тяжёлый настил из двойных дубовых плах — тридцать шесть футов в длину и четыре в ширину, с невысокими, по

колено, дощатыми бортиками по краям. В нижней трети мостика зияла продолговатая продольная прорезь, окованная гладким листовым железом: этим отверстием сходня надевалась прямо на круглый вертикальный столб, так что её можно было не только поднимать вверх на канате, пропущенном через блок на верхушке столба, но и свободно поворачивать вокруг оси в любую сторону — хоть прямо по курсу, хоть на левый или правый борт.

Но главной деталью машины было то, что четверо кузнецов сейчас приклёпывали к дальнему, свободному концу помоста.

Это был массивный железный пест, выкованный в форме четырёхгранного клюва огромной хищной птицы, весом не меньше трёх талантов, с острым, закалённым до синевы стальным жалом, смотрящим вертикально вниз. Сверху к основанию этого железного клюва было приварено толстое кольцо, в которое продевался подъёмный пеньковый канат.

Вокруг стапеля зазвенели подкованные сапоги — караульные триарии расступились, пропуская к кораблю свиту командующего.

Консул Гай Дуилий шёл без ликторов, в простом походном плаще поверх кожаного панциря, забрызганном до колен рыжей глиной Остии. Рядом с ним шагали трое военных трибунов и центурион Гиртий. Старший консул, патриций Гней Корнелий Сципион, ещё неделю назад ушёл с первыми семнадцатью кораблями вперёд, к Мессане, оставив Дуилия — человека из незнатного плебейского рода, не имевшего за спиной великих предков — доводить до ума остальные восемьдесят три сырых корпуса.

Дуилий остановился у носа «Кастора», задрал голову к верхушке бревна и повернулся к безымянному сиракузцу:

— Всё готово, мастер?

— Готово, консул, — грек поклонился без рабской угодливости, скорее, как ремесленник, знающий цену своему товару, и развернул на бочке с гвоздями вощёный чертёж. — Механика проста, как колодезный журавль. Пока корабль идёт на сближение, канат натянут на лебёдку, и мостик стоит торчком вдоль столба, прижатый к нему, как палец к ладони. Но как только пуниец подходит на тридцать футов — хоть с носа, хоть со скулы, хоть режет вёсла вдоль борта — твои люди поворачивают помост за боковые оттяжки в его сторону и выбивают стопорный клин из барабана лебёдки.

Корабел Деметрий, не выдержав, шагнул вперёд из-за спин трибунов:

— Консул, послушай старого моряка, пока не поздно! — в голосе старика звенела неподдельная боль за испорченное судно. — Ты вешаешь на самый нос сырой, тяжёлой пентеры почти сто талантов лишнего леса и железа на высоте тридцати футов над ватерлинией! Это безумие! Любая боковая волна в открытом море положит корабль на борт, а встречный ветер будет крутить этот столб, как парус! Карфагенские кормчие просто не подойдут к вам вплотную — они расстреляют вас стрелами и камнями издали или зайдут с кормы, куда твоя балка не достанет!

Молодой военный трибун рядом с Дуилием нервно прикусил губу. Возражение корабела звучало слишком весомо: вчера при пробном выходе в море две новые квинкверемы без всяких машин на носу едва не черпнули бортами воду на крутой волне у бара Тибра.

Гай Дуилий помолчал, глядя на покачивающийся вверху железный клюв. Лицо у плебейского консула было усталым, с серыми мешками под глазами от бессонных ночей в порту, но челюсти сжимались с тем же бульдожьим упрямством, какое Марк видел у старых сабинских пахарей.

— Если мы будем играть с пунийцами по правилам твоих кормчих, Деметрий, — негромко сказал Дуилий, — они перетопят нас всех до единого, даже если мы снимем с палуб последнюю доску. Мы не моряки. За два месяца из пастухов и земледельцев не сделать финикийских матросов. А раз мы не умеем побеждать на воде — мы привезём с собой на кораблях кусок твёрдой римской земли и положим его им на голову.

Он повернулся к центуриону Гиртию:

— Гиртий! Подгони к стапелю старую барку со списанным корпусом и построй свою первую десятку на баке. Проверим машину в деле.

Через четверть часа к правому борту «Кастора», прямо на песчаном откосе, волами подтащили старый, обшитый дубовыми плахами корпус разобранной грузовой баржи, заменявший вражескую палубу.

— Первая десятка — наверх, в полном снаряжении! — рявкнул Гиртий, взбегая по сходням на носовую площадку «Кастора». — Валерии — в первую пару к сходне! Спурий Лукреций — к стопору лебёдки!

Марк и Тит, гремя бронёй и тяжёлыми пилумами, поднялись на высокий бак. Отсюда, с высоты носового настила, песчаный берег внизу казался далёким, а задранный в серое небо тридцатишестифутовый мост над их головами слегка покачивался на натянутом канате, поскрипывая свежим дубом. Железный клюв на его вершине висел прямо над пустой палубой старой баржи внизу.

— Красота какая, — негромко заметил Тит, задрав голову к нависшему над ними железу. — Только смотри, Марк, если у Лукреция сейчас рука дрогнет, этот кусок римской земли ляжет на голову нам, а не пунийцам.

— Допустим, пуниец заходит справа, хочет сломать нам носовые вёсла! — скомандовал снизу инженер. — Левые оттяжки — трави! Правые — выбирай на себя!

Четверо манипуляриев упёрлись ногами в палубу и потянули за боковые канаты. Смазанная бараньим салом железная обойма со скрежетом провернулась вокруг лиственничного столба; тяжёлая махина моста послушно развернулась на полчетверти круга, нависнув точно над бортом мишени.

— Руби канат! — махнул рукой консул Дуилий.

Спурий Лукреций с размаху выбил железным молотом дубовую чеку из зубчатого колеса лебёдки.

Барабан сорвался с места с таким бешеным визгом, что из-под деревянной оси брызнул сизый дымок, а пеньковый канат со свистом бича метнулся вверх через бронзовый блок.

Тяжёлый тридцатишестифутовый помост рухнул вниз.

Марк даже сквозь подошвы калиг почувствовал, как содрогнулся весь массивный корпус «Кастора». Железный клюв на конце моста описал в воздухе стремительную дугу и со страшным, пушечным грохотом вонзился сверху в двухдюймовый дубовый настил старой баржи.

Щепки и обломки досок брызнули во все стороны на двадцать шагов. Закалённое четырёхгранное жало пробило палубу мишени насквозь, по самое железное кольцо, и намертво заклинилось в нижних бимсах. Оба корпуса — и квинкверема на стапеле, и баржа внизу — оказались сшиты друг с другом широкой деревянной дорогой с перилами по бокам.

Наступила короткая тишина, в которой было слышно только, как осыпаются на песок мелкие дубовые осколки.

Первым засмеялся десятник Спурий Лукреций. Он подошёл к краю бака, пнул сапогом намертво застывший настил мостика и обернулся к задним рядам манипуляриев:

— Гляди-ка, братцы! Да клюнул так, что и быками не выдернешь! Точно ворон падаль на пашне пригвоздил!

— Ворон... — повторил кто-то из задних шеренг, и по палубе прокатился короткий, хищный смешок сухопутных солдат, впервые за две недели в Остии увидевших вещь, которую они понимали до мозга костей. — Железный ворон! *Corvus*!

— Добрая птичка, — хмыкнул Тит, поправляя ремень скутума. — Главное — кормить вовремя, чтобы на своих не клевала.

Центурион Гиртий ударил виноградной лозой по своему щиту:

— Чего зубы скалите?! Первая пара — в атаку по мосту! Живо!

Марк не ждал второго удара лозы. Он вскинул к подбородку тяжёлый казённый скутум, прижал локтем к боку два пилума и, чувствуя справа плечо Тита, закрывавшего своим щитом открытый бок брата, широким, тяжёлым шагом пехотинца ступил через борт на наклонные доски «ворона».

Подкованные гвоздями калиги звонко ударили по дубовому настилу. Деревянные бортики по колено не давали ноге соскользнуть в пустоту, а ширина в четыре фута была рассчитана сиракузским мастером с идеальной точностью — ровно на двух римских гастатов, идущих плечом к плечу, щит к щиту. За их спинами, мерно сотрясая помост, уже бежала вторая, третья, четвёртая пара десятка — железный поток пехоты, вливающийся через пробитый борт прямо в чрево вражеского корабля.

Через пять ударов сердца Марк и Тит с грохотом спрыгнули с конца мостика на палубу баржи по обе стороны от глубоко засевшего в досках железного клюва и синхронно выбросили вперёд короткие мечи.

Снизу, от кильблоков, за ними внимательно наблюдал консул Гай Дуилий. Плебейский полководец перевёл взгляд с замерших у железного шипа братьев Валериев на угрюмого корабела Деметрия, потом снова на длинный деревянный мост, намертво сковавший два борта.

— Ты спрашивал, как мы догоним карфагенский ястреб, грек, — тихо сказал Дуилий и повернулся к военным трибунам. — Нам нужно поймать его за крыло всего один раз. Выдать этому сиракузцу пять тысяч ассов из военной казны. К завтрашнему вечеру такие «вороны» должны стоять на носу каждой из восьмидесяти трёх пентер. Кузнецам не гасить горны до самой погрузки.

VII. Sacrificium ad Portum

Шестидесятый день наступил в багровом, низком тумане, пропахшем мокрой золой, ладаном и тёплой бычьей кровью.

С самого рассвета на песчаной косе у входа в устье Тибра, где речная муть сшибалась с зелёной морской волной, дымили три сложенных из свежего дёрна алтаря — Нептуну, Марсу и Бурям. Восемьдесят три квинкверемы стояли на наклонных деревянных склизах, смазанных растопленным бараньим и свиным салом, вытянувшись вдоль берега угрюмой чёрной шеренгой. На носу каждой пентеры, словно виселица для великанов, торчал в серое небо двадцатичетырёхфутовый лиственничный столб с притянутым к нему на канатах окованным железом мостом.

Десять тысяч человек — манипулярии морской пехоты в полном вооружении и полуголые гребцы со связанными за спиной узелками скудного скарба — застыли на мокром песке в походных колоннах перед своими кораблями.

Марк стоял в первой шеренге четвёртой центурии прямо перед высоким, тупым носом «Кастора». Тяжёлый отцовский шлем давил на темя сквозь войлочный подшлемник, а мокрый от утренней сырости нагрудник холодил грудь и лопатки сквозь грубую шерсть туники. Рядом, чуть бледный от недосыпа и торжественной тишины, сжимал древко пилума Тит.

В центре берега, перед алтарём Нептуна, консул Гай Дуилий натянул край белоснежной, с пурпурной каймой тоги на голову, закрывая уши от любого случайного, дурного звука.

Флейтист у жертвенника заиграл тонкую, монотонную мелодию, заглушая скрип уключин и кашель в строю. Двое рослых виктимариев с голыми по пояс торсами подвели к камню огромного чёрного быка с вызолоченными рогами и белой шерстяной повязкой на лбу.

— *Agone?* — негромко спросил молотобоец, занося над широким бычьим лбом тяжёлый двуручный топор-секурис.

— *Hoc age*, — ровно ответил из-под складки тоги Дуилий.

Тяжёлый обух с глухим костяным стуком опустился между золочёных рогов. Бык даже не взревел — у него мгновенно подломились передние колени, и многопудовая туша рухнула на усыпанный крупной солью песок. В ту же секунду второй помощник снизу вверх вогнал широкий треугольный нож-культер в оттянутое горло животного.

Густая, почти чёрная в утренних сумерках струя ударила в подставленные бронзовые чаши и зашипела на раскалённых углях жаровен.

Этрусский гаруспик в остроконечной кожаной шапке склонился над вспоротым, дымящимся на холодном ветру брюхом быка, запустил обе руки по локоть в багровое месиво и вытащил на деревянное блюдо тяжёлую, тёмно-бурую печень.

Строй затаил дыхание. Марк видел, как стоявший в трёх шагах впереди центурион Гиртий непроизвольно сжал пальцы на своей виноградной лозе. Каждый крестьянин из Сабинии или Лация с детства знал, что значит для похода червивая или сморщенная доля печени: боги не принимают жертву, выступать нельзя.

Гаруспик долго, томительно поворачивал дымящийся кусок плоти на блюде, щупая пальцами жёлчный пузырь и головку правой доли, потом выпрямился и повернул к консулу сухое, неподвижное лицо:

— *Litatio est*, консул. Жертва принята. Доля врага разрезана пополам, жёлчь полна и чиста. Море открывает дорогу.

По рядам восьмидесяти трёх центурий прокатился долгий, тяжёлый выдох. Дуилий сбросил край тоги с головы, взял из рук жреца чашу с вином и дымящимися внутренностями и с размаху выплеснул их прямо в набегающую на песок пенную волну прибоя:

— Рубите задержники! Корабли — на воду!

Вдоль всего двухмильного берега одновременно взревели медные букцины.

У кильблоков «Кастора» шестнадцать плотников с железными кувалдами с размаху ударили по дубовым клиньям-стопорам. Сзади на корму навалились две сотни гребцов, упираясь плечами и шестами в просмолённые шпангоуты, а на береговых воротах заскрипели канаты, тянущие корпус за носовые рымы к воде.

Сначала «Кастор» не двигался — казалось, сырая, непомерно тяжёлая махина намертво вросла в песок Остии.

— Ра-зом! Взя-ли! — взревел Гиртий, ударяя лозой по кормовому брусу.

Под днищем глухо треснуло. Смазанные салом деревянные полозья дрогнули, сдвинулись на палец, потом на локоть — и вдруг вся сорокапятишаговая громада из сырой апеннинской пихты и дуба с нарастающим грохотом покатилась вниз по наклонному настилу к морю.

Из-под киля от трения повалил густой, вонючий сизый дым горелого сала. «Кастор» с разгона врезался кормой в прибой, подняв к небу два огромных белых крыла солёной пены, тяжело присел в воду, качнулся с борта на борт под тяжестью носового столба «ворона» и, развернувшись на якорном канате, закачался у деревянного причала гавани.

Один за другим, с грохотом и плеском, в мутную воду устья сходили остальные восемьдесят два корабля.

— Гребцы — по ярусам! Пехота — на верхний настил! — командовал Гиртий, первым ступая на перекинутые с пирса шаткие доски сходен. — Соблюдать порядок погрузки, бараны, не толпиться на один борт!

Марк и Тит поднялись на палубу «Кастора» вслед за Спурием Лукрецием.

Под ногами впервые в их жизни не было земли.

Это было странное, тошнотворное чувство: тяжёлый деревянный настил уходил из-под подкованных калиг вниз, потом медленно, с глухим утробным вздохом всего корпуса полз вверх и одновременно заваливался на левую скулу, куда тянул корабль высокий столб штурмового мостика. Тит инстинктивно ухватился свободной рукой за канатный леер, широко расставив ноги.

— Ого, — пробормотал он, глядя под ноги. — Вот это похмелье, Марк, а мы даже вина не пили.

Но не успела четвёртая центурия выстроиться вдоль бортов, как снизу, из тёмного квадратного люка кормового трюма, вынырнул перепуганный греческий плотник из команды корабела Деметрия. В руках он держал мокрое деревянное долото, а его кожаный передник был по пояс вымазан чёрной трюмной жижей.

— Центурион! — задыхаясь, крикнул грек, подбегая к Гиртию. — Корабль садится носом! Сырые доски под ватерлинией разошлись от удара об воду — через три паза у киля хлещет так, что уже на два пальца выше подсланевых брусьев поднялось!

Марк посмотрел через борт на соседнюю пентеру — «Поллукс», стоявшую в двадцати шагах правее у того же причала. Там творилось то же самое: корабль заметно накренился на правый бок, его осадка на глазах увеличивалась, а с нижней палубы уже доносились крики гребцов нижнего яруса, которым ледяная морская вода заливала ступни прямо на скамьях.

На пирсе, опираясь на посох, стоял старый сиракузский корабел Деметрий. На его желчном лице не было злорадства — только мрачная усталость мастера, чьё пророчество сбылось слишком быстро.

— Я же говорил тебе, римлянин, — крикнул он с причала Гиртию. — Ваша мокрая пихта в воде ведёт себя как решето! Пока она не разбухнет от соли — если не утонет раньше — вам придётся вычерпывать море вёдрами!

— Зато бычья печень чистая была, — тихо хмыкнул Тит, косясь на залитый водой трюмный люк. — Видно, Нептун просто хотел, чтобы мы море с собой внутрь взяли.

Внизу, в полутёмном трюме «Кастора», где сидели три сотни гребцов, поднялся глухой, тревожный гул. Кто-то из городских пролетариев нижнего ряда, услышав шум прибывающей под ногами воды, рванулся было со скамьи к узкому трапу наверх.

Гиртий одним прыжком оказался у кормового люка. Тяжёлая крышка с грохотом захлопнулась прямо перед лицом беглеца, и центурион лично вогнал железный засов в скобу.

— Куда полез, крыса?! — прорычал он сквозь щели решётки вниз, в темноту, откуда пахло мокрой смолой, потом и страхом. — На место! Десятники нижнего яруса — каждому третьему номеру весла выдать кожаные вёдра и деревянные черпаки! Выливать воду по цепочке через верхние весёльные порты без остановки, день и ночь! Плотникам спуститься в льяла с паклей, салом и свинцовыми листами — забивать щели на ходу изнутри!

Центурион выпрямился, обвёл тяжёлым взглядом притихших на палубе сабинских пехотинцев и повернулся к стоящему у рулевых вёсел бледному кормчему из Тарента:

— А ты чего ждёшь, мореход? Пока мы тут у стенки корнями в ил врастём? На ходу доска быстрее разбухнет! Руби швартовы! Келевст — малый ход на выход из устья!

Молоток в чреве корабля сухо ударил по колодке: *тук!*

Из шестидесяти весёльных портов «Кастора» с обеих сторон, неуклюже, вразнобой разбрызгивая мутную воду, высунулись длинные пихтовые вёсла. Из верхних отверстий тут же, в такт первому гребку, выплеснулись первые мутные струи вычерпанной из трюма воды.

Тяжёлый, сочащийся смолой и течью по всем швам римский корабль со скрипом отвалил от деревянного пирса Остии и медленно, неуверенно, как слепой зверь, двинулся носом навстречу серой, холодной зыби открытого моря.

VIII. Clades Scipionis

В Мессанский пролив эскадра вошла на шестнадцатый день плавания — ободранная ветрами, почерневшая от морской соли и пропитавшаяся зловонием трюмной рвоты до последнего соснового сучка.

Все две недели пути вдоль берегов Кампании и Лукании восемьдесят три квинкверемы Гая Дуилия не столько плыли, сколько боролись с собственной тяжестью. Сырые пихтовые доски наконец разбухли от солёной воды, и течь в льялах уменьшилась, но взамен корабли напитались влагой, как утопленные брёвна, и осели почти по самые нижние весёльные порты. Высокие столбы «воронов» на носу раскачивали корпуса при каждой боковой волне так, что даже на пологой зыби пентеры зарывались скулами в пену, а гребцы верхнего яруса то и дело ловили лопастями пустой воздух вместо воды.

На рассвете, когда слева по борту в сизой дымке показался крутой скалистый мыс Пелор, а за ним — белые стены Мессаны и серп сицилийской гавани, Марк и Тит стояли у носового фальшборта «Кастора», держась за пеньковые оттяжки штурмового мостика.

За эти дни оба брата похудели так, что ремни отцовского кардиофилакса на груди Тита пришлось переколоть на две дырки глубже. Лица манипуляриев обгорели под мартовским солнцем и покрылись белым налётом высохшей соли, но стояли они на ходящих ходуном досках уже иначе — полусогнув колени, широко расставив подкованные калиги и в такт качке перенося вес с пятки на носок.

— Гляди, Марк, — Тит прищурился, указывая рукой на внутренний рейд Мессаны, где за каменным молом теснились грузовые барки и береговые триеры союзников. — А где семнадцать кораблей старшего консула?

Марк вгляделся в заставленную мачтами бухту. Гней Корнелий Сципион вышел из Остии на две недели раньше них с лучшим, самым сухим авангардом флота — семнадцатью первыми пентерами, чтобы подготовить стоянку в Сицилии и разведать пролив. Но сейчас у причалов Мессаны не было видно ни одного высокого римского корпуса с ростральным тараном. Вместо этого на берегу у портовых ворот толпились сотни легионеров местного гарнизона, а навстречу головной квинквереме Дуилия от мола уже неслась лёгкая шестивёсельная лодка начальника порта.

«Кастор» тяжело, со скрипом уключин вошёл в спокойную воду гавани и сбросил каменные якоря в тридцати шагах от флагмана консула.

Лодка пристала к борту консульской пентеры. Поднявшийся на палубу военный трибун из мессанского гарнизона что-то быстро, вполголоса доложил Гаю Дуилию. Даже с соседнего корабля Марк увидел, как побелело обветренное лицо плебейского консула, а стоявшие вокруг него сенаторские юноши из свиты ошеломлённо переглянулись.

Через четверть часа, когда корабли первой линии подтянулись к причальной стенке за водой и сухарями, весть уже ползла от борта к борту — глухая, липкая и позорная, как удар мокрой тряпкой по лицу.

Десятник Спурий Лукреций, спрыгнувший на пирс к портовым водоносам, вернулся на палубу «Кастора» мрачнее грозовой тучи и с размаху швырнул кожаный бурдюк к ногам центуриона Гиртия.

— Ну, чего там? — нетерпеливо бросил Гиртий, опираясь на бортик у сходни. — Где Корнелий Сципион? В Сиракузы ушёл?

— В Карфагене твой Сципион, центурион, — зло выплюнул Лукреций, оглядываясь, чтобы не слишком громко кричать перед гребцами, высунувшимися из верхних люков за свежим воздухом. — В железных цепях. Со всеми семнадцатью кораблями, с трибунами, с ликторами и с казной авангарда.

На палубе «Кастора» повисла мёртвая тишина. Тит, пивший воду из деревянной кружки, замер, не донеся край до губ.

— Ты белены объелся, десятник? — глаза Гиртия сузились, рука с виноградной лозой дёрнулась вверх. — У него было семнадцать новых квинкверем и пять тысяч отборных людей! Где был бой?

— Никакого боя не было, — глухо ответил Лукреций. — Ни одного сломанного весла, ни одного брошенного пилума. Когда Сципион пришёл в Мессану три дня назад, к нему явились какие-то перебежчики с Липарских островов. Сказали, будто главный город на Липарах хочет передаться Риму без осады, стоит только консулу подойти к их гавани и показать знамёна. Сципион, не будь дурак, решил забрать лавры себе до твоего с Дуилием подхода. Даже разведку вперёд не выслал — вошёл со всей эскадрой прямо в узкую бухту Липары и встал на якорь под берегом.

Гиртий медленно сжал челюсти так, что синий шрам на его щеке налился свинцом. Старый солдат уже знал конец этой истории.

— А ночью из-за мыса вышел пунийский флот Ганнибала Гискона, — продолжал десятник. — Двадцать быстроходных трирем под командованием Боода. Они просто заперли наших в каменном мешке у причала, как овец в загоне. Когда утром на мачтах увидели карфагенские вымпелы, гребцы и матросы Сципиона даже за вёсла не взялись — побросали всё и прыгнули через борта на берег, в горы! А сам патриций Гней Корнелий остался на пустой палубе с горсткой трибунов. Боод позвал его к себе на флагман «для переговоров об условиях отхода»...

— И он пошёл? — хрипло спросил Марк, не веря своим ушам.

— Пошёл! — Лукреций с ожесточением плюнул за борт, в зелёную воду гавани. — Римский консул, при пурпуре и фасциях, сам своими ногами полез на пунийскую палубу торговаться за свою шкуру! Карфагеняне там же, на месте, скрутили ему руки за спину, как беглому рабу, отобрали все семнадцать наших пентер без единой царапины и увели на буксире в Панорм! Весь берег в Мессане над ним хохочет — легионеры гарнизона уже прозвали Корнелия *Asina*. Ослица! Потащился за пучком сена прямо в волчью яму!

Вся четвёртая центурия стояла на верхней палубе, подавленная услышанным. Для сухопутных крестьян, с детства привыкших верить, что римский консул из древнего рода Корнелиев — почти полубог, перед которым расступаются самниты и эпироты, эта весть была страшнее любого шторма. Семнадцать лучших кораблей, построенных их собственными окровавленными руками в лесах Тибура и на песке Остии, достались врагу даром, даже не успев опустить в воду свои тараны. А на море они остались одни — с восьмьюдесятью тремя неуклюжими, сырыми посудинами и младшим консулом-плебеем, который никогда в жизни не водил эскадры.

Тит медленно опустил кружку, покрутил её в руках и вдруг негромко, но так, что услышала половина палубы, сказал:

— Ну, хоть одно утешение, братцы: теперь, если пунийцы нас поймают, грести нам на чужих галерах будет привычно — доски-то наши, родные, мы сами их в Тибуре валили. А консул наш, видать, просто решил сэкономить казне на посыльных и сам лично доставил им образцы.

В притихшем строю кто-то сдавленно прыснул, а стоявший рядом здоровенный лесоруб с берегов Анио мрачно ухмыльнулся в бороду. Даже Спурий Лукреций не удержался от короткого смешка.

Снизу, из-под палубного настила, где гребцы жадно прислушивались к каждому слову пехотинцев, тем временем пополз глухой, панический шёпот:

— Слышали?.. Семнадцать пентер без боя взяли...

— Нас всех тут перетопят, как котят в мешке...

— Сципиона в цепи заковали, а нас, гребцов, пунийцы живьём на кресты вдоль берега прибьют или под килями протащат...

Центурион Гиртий шагнул к центральному люку, но прежде, чем он успел рявкнуть на трюм, со стороны флагманской квинкверемы раздался резкий, пронзительный рёв консульской трубы, созывающий центурионов и кормчих к борту командующего.

Когда через час Гиртий вернулся на «Кастор» с военного совета, в его походке не было и следа колебаний. Он поднялся на носовой бак, встал прямо под нависшим железным клювом «ворона» и ударил лозой по деревянному бортику моста так, что звук разнёсся до самой кормы.

— Слушать приказ консула Гая Дуилия! — голос ветерана гремел над притихшей палубой. — Патриций Гней Корнелий отдал пунийцам семнадцать пустых корыт, потому что на тех кораблях ещё не стояли вот эти железные клювы, а на их палубах были трусы, которые побежали на берег раньше, чем увидели врага в лицо! Теперь у Республики на море один командующий — консул Дуилий, и один флот — наш!

Гиртий обвёл взглядом серые, напряжённые лица сабинских и латинских пехотинцев:

— Час назад рыбаки с мыса Милы принесли весть: карфагенский адмирал Ганнибал со ста тридцатью боевыми кораблями вышел из Панорма и идёт вдоль северного берега сюда, чтобы сжечь наши суда прямо в проливе. Дуилий приказал не ждать их в гавани, как ослица на привязи! Берём на борт по два дополнительных десятка тяжёлой пехоты из сицилийских легионов, пополняем воду — и на рассвете выходим из пролива им навстречу!

Он посмотрел прямо в глаза Марку и Титу, стоявшим у основания носового столба:

— Точите мечи, сабинская порода. Послезавтра посмотрим, как эти финикийские мореходы умеют смеяться, когда им в кедровую палубу вгрызётся три таланта римского железа.

IX. Navigatio ad Siciliam

С рассветом восемьдесят три римских корабля тяжело, один за другим, вывалились из узкого горла Мессанского пролива в открытое Тирренское море и повернули на запад, вдоль зубчатых сицилийских гор, к мысу Милы.

Здесь, за защитой мыса Пелор, море было совсем другим, чем у берегов Италии. Крутая, короткая встречная волна с запада била прямо в тупые скулы «Кастора», обдавая носовой бак холодными тучами солёных брызг, а ветер с открытой воды свистел в натянутых пеньковых оттяжках вертикально поднятого «ворона», словно в струнах гигантской расстроенной лиры.

На верхней палубе стало тесно до удушья. Выполняя приказ Дуилия, перед самым выходом из Мессаны на каждую квинкверему сверх штатной центурии морских гастатов погрузили ещё по сорок тяжёлых легионеров из сухопутной армии — сто двадцать закованных в металл пехотинцев на одном шатком сосновом настиле. Этот живой груз, стоявший высоко над водой, окончательно нарушил и без того скверную остойчивость сырых кораблей. При каждом ударе волны в правую скулу «Кастор» с глухим треском шпангоутов заваливался на левый борт так глубоко, что казалось — тридцатишестифутовый столб штурмового мостика сейчас перевесит и перевернёт всю неуклюжую громаду вверх килем, а через секунду корабль с такой же тошнотворной медлительностью валился обратно направо.

В трюме, под ногами пехоты, через два часа такой болтанки начался ад.

Триста гребцов сидели в трёх ярусах в полумраке, куда свет и воздух проникали только через узкие щели решётчатых люков да весёльные порты, которые на высокой волне то и дело захлёстывало ледяной водой. От непрерывной качки и духоты половину вчерашних горцев и городских ремесленников выворачивало наизнанку прямо на скамьях, не отпуская рукоятей. Густая, кислая вонь жёлчи, нечистот, немытых тел и прогорклого сала, которым смазывали кожаные манжеты уключин, поднималась из-под палубных досок таким плотным, удушливым паром, что даже на верхнем ветру у стоявших в строю манипуляриев слезились глаза.

Марк стоял в первом ряду на баке, намертво вцепившись левой рукой в мокрый ремень скутума, а правой упираясь древком пилума в палубный шов. Тяжёлый щит, шлем и обитый железом нагрудник с каждым часом наливались свинцовой тяжестью. Ремни сквозь намокшую от брызг и пота шерстяную тунику нещадно натирали ключицы и плечи, а при каждом крене

корабля металл тянул тело в сторону, к низкому деревянному фальшборту, за которым внизу кипела чёрно-зелёная бездна.

Рядом, бледный, с посиневшими губами и запавшими щеками, боролся с морской болезнью и тяжестью брони Тит.

Когда «Кастор» в очередной раз провалился носом между двумя крутыми гребнями и палуба резко ушла из-под ног вниз, а затем с пушечным ударом волны под килем подбросила людей вверх, колени младшего брата подогнулись. Его подкованные гвоздями калиги скользнули по мокрым, осклизлым от морской пены сосновым плахам; Тит потерял равновесие и, громыхая щитом и бронзовой нагрудной бляхой, тяжело повалился на бок, прямо к открытому краю носового ската. Ещё полшага — и скользкий настил выбросил бы его в море, где под тяжестью снаряжения человек уходил на дно быстрее якорного камня.

Марк даже не оглянулся — его правая рука, бросив пилум, с быстротой кузнечных клещей перехватила брата за перекрестье ремней на спине, рывком вздёрнула его обратно на ноги и прижала спиной к толстому лиственничному столбу «ворона».

— Ноги шире, Тит! — сквозь ветер и грохот воды рявкнул Марк прямо в ухо брату. — Не стой на прямых костях, как столб на меже! Колени гни, дай палубе ходить под тобой, а сам держи спину ровно по мачте!

— Внутри всё выворачивает, Марк... — Тит судорожно сглотнул кислую слюну, прижимаясь затылком к мокрому, пахнущему смолой бревну штурмового столба, и с отчаянием посмотрел на свои ноги. — Гвозди на подошвах по мокрой сосне едут, как по льду... Тут и пунийцев не надо, сам себя утопишь...

Марк посмотрел вниз, на свои калиги. Острые железные шипы, кованные для того, чтобы вгрызаться в сухую глину и камень горных троп, на мокром корабельном дереве действительно скользили при каждом рывке корпуса.

От кормы вдоль строя, легко, по-медвежьи переваливаясь с ноги на ногу в такт каждому крену, шёл центурион Гиртий. Он не держался за леера — его короткие, кривоватые ноги ветерана сами ловили движение палубы раньше, чем корабль начинал валиться на борт.

Увидев прижавшегося к столбу бледного Тита и поднятый с досок пилум Марка, Гиртий остановился в двух шагах. Марк мгновенно напрягся, ожидая, что сейчас на голову брата обрушится обещанная на Марсовом поле виноградная лоза.

Но центурион не поднял палку. Он молча посмотрел на скользящие по мокрой доске подкованные подошвы мальчишки, потом наклонился, зачерпнул горсть крупного речного песка с толчёной черепицей из стоявшей у лебёдки пожарной кадки и с размаху швырнул её на палубу под ноги братьям.

— Разотри подошвой по доске, сабин, — хрипло сказал Гиртий Титу. — И пальцы в калигах подожми, будто босиком по мокрой пашне идёшь. На воду за бортом не гляди — от неё голова кругом идёт. Смотри вон туда, на сицилийские скалы слева или на верхушку столба. И дыши носом, глубоко, на каждый третий удар молотка в трюме.

Тит послушно растёр песок каблуком по скользкой плахе, переступил шире, поймав упор на шершавом крошеве, и глубоко втянул ноздрями холодный солёный воздух. Дрожь в его коленях постепенно утихла.

— Вот это наука, центурион, — слабо усмехнулся он, глядя на песок под ногами. — Если бы мне в Курах сказали, что я буду радоваться горсти битого горшка под пяткой больше, чем мешку пшеницы, я бы не поверил.

Гиртий коротко хмыкнул и пошёл дальше вдоль строя.

Из открытого люка среднего прохода в это время двое надсмотрщиков-десятников вытащили на воздух потерявшего сознание гребца с верхнего яруса — рослого батрака из-под Велитр. Его ладони, которые он две недели сдирал на береговых козлах, а теперь двое суток до кости стирал о мокрую пихтовую рукоять весла, превратились в сплошное кровавое месиво

из лопнувшей кожи, соли и древесных заноз. Даже в беспамятстве его скрюченные, сведённые судорогой пальцы оставались согнутыми кольцом, по форме весла, и не разжимались.

Надсмотрщик плеснул ему в лицо ведром забортной воды, торопливо обмотал окровавленные кисти пропитанными уксусом и жиром тряпками и пинком погнал обратно к трапу:

— Живее вниз! На третьей банке четверо гребут, весло из ряда выбивается!

Марк проводил взглядом шатающегося, согнутого в три погибели гребца, исчезающего в зловонной темноте трюма, и сильнее сжал древко своего пилума.

— Держись за дерево, Тит, — глухо сказал он брату, глядя вперёд, туда, где в полумиле впереди на серой зыби тяжело ворочался флагман Гая Дуилия. — Если эти внизу с содранным мясом на руках нас вперёд тянут — мы наверху упасть не имеем права.

X. Vela Punica

В полдень третьего дня, когда растянувшаяся на две мили неуклюжая колонна римских кораблей обогнула низкий, поросший дикой маслиной полуостров Милы, ветер с запада внезапно стих, и наступила звенящая, душная тишина.

Море улеглось в длинную, маслянисто-свинцовую зыбь. Вёсла восьмидесяти трёх квинкверем вразнобой хлопали по воде, поднимая белую пену; корабли шли в три неровные линии, то сбиваясь в кучу, то растягиваясь так, что с кормы флагмана едва различали отстающие суда арьергарда.

На баке «Кастора», шедшего на правом крыле первой линии, манипулярии сидели прямо на палубе в тени высокого фальшборта, положив тяжёлые скутумы на колени и жуя сухие ячменные галеты, размоченные в воде с кислым вином. Марк сидел, прислонившись плечом к лебёдке «ворона», и большим серым оселком из родного сабинского ручья неторопливо правил лезвие своего короткого меча. Тит рядом проверял кожаные ремни шлема.

И вдруг высоко вверху, на топе короткой сигнальной мачты, где в плетёной корзине сидел вперёдсмотрящий из тарентских моряков, раздался долгий, срывающийся крик:

— Паруса! Прямо по курсу, за мысом — паруса и вёсла! Тьма!

Марк одним движением спрятал оселок в поясную суму и поднялся во весь рост. Рядом, лязгнув бронзовой бляхой, вскочил Тит. По всей палубе «Кастора», от бака до кормовой надстройки, с железным грохотом поднимались на ноги сто двадцать пехотинцев.

Марк посмотрел вперёд, поверх низкой синеватой гряды западного горизонта. Сначала ему показалось, что над самой водой на чистом полуденном небе выросла странная зубчатая полоса белого и багрового тумана. Но полоса двигалась — стремительно, легко, с пугающей для сухопутного глаза быстротой.

Уже через несколько минут простым глазом стало видно, как из-за дальнего изгиба берега одна за другой, словно стая морских хищников, вылетают десятки длинных, низких, хищно вытянутых галер. Они шли сначала под огромными четырёхугольными парусами — белыми, крашеными пурпуром и полосатыми финикийскими, — но прямо на ходу, по единому, невидимому сигналу, на всех кораблях одновременно, без малейшей суеты, рухнули вниз реи, паруса были убраны, а мачты положены в продольные гнёзда.

И тогда море на западе вскипело от тысяч вёсел.

Их было сто тридцать вымпелов — весь цвет карфагенского флота Сицилии под командованием Ганнибала, сына Гискона. В отличие от высоких, пузатых, неуклюже заваливающихся с борта на борт римских квинкверем, пунийские пентеры и триремы из сухого атласского кедра сидели в воде низко и ровно, скользя по зыби с такой синхронной, отточенной поколениями лёгкостью, что их вёсла поднимались и опускались как одно единое крыло гигантской птицы. На солнце ослепительно вспыхивали вызолоченные носовые фигуры богов Мелькарта и Танит, а у самой воды, рассекая волну в два ровных белых уса, ревели литые бронзовые тараны.

В центре этой летящей по воде лавины, возвышаясь над остальными кораблями, как слон над стаей волков, шла огромная семирядная галера — гептера самого адмирала Ганнибала, некогда отбитая карфагенянами у царя Пирра, с пурпурным шатром на корме и двумя башнями лучников на палубе.

На палубе «Кастора» стало так тихо, что было слышно, как внизу, в трюме, замер на полудара медный молоток греческого келевста. Тарентский кормчий у рулевых вёсел побледнел и сжал амулет от дурного глаза:

— Сто тридцать вымпелов... Идут без строя, на полном таранном разгоне, прямо как на охоту! У них скорость вдвое против нашей! Если они сейчас разойдутся на два крыла и пойдут резать нам вёсла с бортов — мы даже развернуться не успеем!

Тит рядом с Марком судорожно перехватил рукоять меча; под его челюстью быстро-быстро билась жилка, но мальчишка не сделал и шагу назад — только плотнее прижал край своего скутума к щиту старшего брата.

Центурион Гиртий не смотрел на сверкающую золотом и бронзой пунийскую армаду. Он стоял на кормовом мостике, прищурившись в сторону флагмана Гая Дуилия, где на мачте взвился вверх большой красный квадратный щит — сигнал к общему построению и бою.

— Не суетись, тарентиец! — спокойно, почти весело прорычал Гиртий кормчему. — Смотри, как они прут — растянулись по морю на три мили, авангард на тридцать кораблей вперёд ушёл, каждый спешит первым римскую добычу на буксир взять, как у Липар! Они же нас за слепых овец держат!

Ветеран повернулся к замершей в железе палубе, выхватил из ножен свой широкий меч, тускло блеснувший на полуденном солнце, и во всю мощь прокуренной глотки рявкнул:

— Четвёртая центурия — шлемы завязать! Лебёдочники — к канатам «ворона», вынуть предохранительные чеки! Первая штурмовая десятка — на бак, к сходне! Кормчий — не сметь подставлять борт, держи нос ровно на головную пунийскую пентеру! Келевст — малый ход навстречу!

В чреве корабля снова застучал молоток.

Тяжёлый, просмолённый корпус «Кастора» медленно, с угрюмым достоинством довернул свой тупой нос с торчащим в небо тридцатишестифутовым столбом и покачивающимся железным клювом прямо навстречу несущемуся на них с пеной у таранов карфагенскому авангарду.

Марк поправил на голове отцовский шлем, перехватил поудобнее тяжёлый пилум и коротко толкнул локтем в бок брата:

— Ну вот и доплыли, Тит. Как только мост упадёт — бей щитом первого, кто стоит у края, и не останавливайся на досках, чтобы задние в спину не смяли. Держись за моё правое плечо.

— Не боись, брат, — Тит криво, по-волчьи оскалился, поудобнее перехватывая древко пилума. — Я на их сухую палубу первый выскочу — надоело уже в нашей мокрой луже качаться.

До передней карфагенской пентеры, на носу которой уже можно было различить два огромных, нарисованных чёрным и киноварью глаза и стоящих на баке в сверкающих бронзовых шлемах пунийских матросов, оставалось меньше трёх стадиев.

CAPUT II: ROSTRUM FERREUM

I. Risus Hannibalis Gisconis

С высоты кормового помоста семирядной царской галеры море у мыса Милы казалось гладким и тягучим, как расплавленное в тигле олово.

Флагманская гептера — некогда гордость эпирского царя Пирра, отбитая карфагенянами в сицилийских водах и перестроенная в крытых доках Бирсы, — шла в центре пунийского строя с царственной, невозмутимой плавностью. Четыреста двадцать гребцов — не согнанные из-под палки горные пастухи, а вольные ливийские моряки и потомственные гребцы из портовых кварталов Карфагена и Утики — работали под звонкую серебряную флейту триерарха. Тридцать тяжёлых ясеневых вёсел с каждого борта опускались в зелёную воду без единого лишнего всплеска, выталкивая вперёд длинный, зализанный корпус из тёмного атласского кедра.

На корме, под натянутым на золочёные копья пурпурным тентом, стоял командующий сицилийским флотом Карфагена Ганнибал, сын Гискона. Белая льняная туника с широкой каймой тирского пурпура свободно развевалась на бризе; в завитой чёрной бороде поблёскивали золотые кольца, а на груди покоился литой золотой диск Баал-Хаммона. В двух шагах позади, держа руки на широкой рукояти рулевого весла, стоял старший кормчий эскадры Магон — сухой, просоленный до костей старик из Гадеса.

— Вышли из-за камней, господин, — негромко сказал Магон, щурясь на восток, к низкой гряде мыса Милы. — Все восемьдесят три вымпела, как доносили рыбаки. Идут вдоль берега в три неровные линии.

Ганнибал шагнул к резному фальшборту, вгляделся в утреннюю дымку — и вдруг расхохотался, громко и раскатисто, откинув назад голову.

— Клянусь огнём Мелькарта, Магон, посмотри на них! Это же не боевые галеры, это беременные буйволицы, которых крестьяне загнали в болото!

Зрелище и впрямь было потешным: срубленные из сырой сосны римские квинкверемы сидели в воде глубоко и криво, тяжело пахали волну тупыми скулами, а их вёсла взлетали и падали вразнобой, как лапы перевёрнутого жука.

— Боод у Липарских островов оказал этим пастухам слишком большую честь, когда позвал их консула Сципиона на переговоры, — смеялся Ганнибал, принимая из рук раба серебряную чашу с кипрским вином. — Та римская Ослица отдала нам семнадцать кораблей без боя. А этот второй, плебей Дуилий — землекоп в консульской тоге! Любой мой триерарх опишет вокруг его корыта три круга, срежет ему оба ряда вёсел и пустит ко дну одним ударом в корму!

Старый кормчий Магон не разделил веселья. Его морщинистое лицо оставалось хмурым.

— Господин, приглядись к их бакам, — указал он корявым пальцем на головную пятёрку вражеских пентер. — У каждого корабля прямо за фальшбортом вбито вертикальное бревно, а к нему притянута длинная деревянная рама с железным наконечником. На судах Сципиона такого не было. Когда сухопутный человек тащит на палубу такую тяжесть, которая мешает кораблю плыть, он делает это не ради красоты. Позволь дать сигнал: пусть авангард сбросит ход и подождёт остальные сто кораблей. Выстроимся в два полумесяца, пустим вперёд лёгкие триремы для разведки...

Улыбка мгновенно сползла с лица Ганнибала.

— Остановить сто тридцать кораблей Карфагена перед восемьюдесятью дырявыми плотами, на которых сидят сабинские пахари?! — отрезал он. — Ты одряхлел, Магон. Эти столбы — обычные журавли для котлов со смолой или щиты от наших лучников. Если мы начнём топтаться на месте, этот плебей просто уйдёт под защиту берега.

Он отшвырнул чашу и с силой ударил рукоятью жезла по большому сигнальному бронзовому щиту:

— Никакого ожидания! Добыча сама плывёт в руки! Передовому отряду из тридцати пентер — полный таранный ход! Первому триерарху, который приведёт римского консула на аркане к моей гептере, — пять талантов серебра! Трубите атаку!

Над палубой семирядного гиганта взревели четыре изогнутых бронзовых рога. Тридцать лучших, самых быстроходных карфагенских пентер авангарда, не дожидаясь растянувшихся сзади основных сил, рванулись вперёд, взбивая море в кипящее белое молоко.

II. Sonitus Tubarum

На палубе «Кастора» никто не смеялся. Здесь, в тесноте высокого соснового бака, пропахшего горячим железом, кислым солдатским потом и сырой бычьей кожей щитов, стояла та тяжёлая, угрюмая тишина, какая бывает в пехотной шеренге за минуту до того, как вражеская конница пойдёт в галоп.

И вдруг эту тишину разорвал медный, хриплый, вибрирующий до самых костей рёв римских боевых труб — *tubae* и изогнутых *cornua*.

Трубачи на флагмане Гая Дуилия, а за ними и на всех восьмидесяти трёх квинкверемах не играли никаких сложных морских сигналов для поворота или перестроения. Они ревели один-единственный, знакомый каждому италийскому крестьянину с первого дня на Марсовом поле сухопутный сигнал легиона: «Сомкнуть щиты! Стой на месте и встречай удар!»

Марк Валерий стоял в первой паре штурмового десятка на самом краю носового настила, вплотную к левому бортику вертикально поднятого моста «ворона».

Его широкие ступни в подкованных калигах были плотно вбиты в рассыпанный по мокрым доскам крупный песок с толчёной черепицей. Левое плечо занемело от тяжести двадцатифунтового казённого скутума, прижатого верхним ободом к самому подбородку, а правая ладонь, густо натёртая мелом, чтобы не скользила от пота, сжимала шершавое ясеневое древко тяжёлого метательного пилума. Справа, касаясь его локтя краем своего щита, стоял Тит.

Марк скосил глаза под бронзовым нащечником отцовского шлема на младшего брата. Тит был бледен так, что на скулах проступили жёлтые веснушки, по виску текла струйка пота, но древко пилума в его руке не дрожало. За их спинами, дыша в затылки тяжёлым, горячим паром ста двадцати сжатых в одну железную коробку тел, в шесть плотных шеренг застыла вся четвёртая центурия и два приданных десятка сицилийских легионеров.

Прямо на «Кастор», отделившись от летящего карфагенского авангарда, неслась огромная пунийская пентера с вызолоченной головой коня на высоком форштевне.

Для сухопутного взгляда Марка скорость этого приближающегося морского зверя казалась немыслимой, почти колдовской. Карфагенский корабль не полз по воде, как их собственная сырая посудина, — он летел над свинцовой зыбью в ореоле белых брызг, на каждом мощном рывке шестидесяти красных вёсел приподнимая из пены свой длинный, узкий нос.

— Гляди, Марк, какая нарядная, — негромко, с нервным, но живым смешком процедил Тит, не сводя глаз с приближающейся галеры. — Даже коня на носу позолотили. Сразу видно — богатые люди едут, стыдно с пустыми руками встречать.

— Встретим, не переживай, — глухо отозвался Марк. — Пилум выше держи.

На триста шагов уже отчётливо были видны два огромных, намалёванных восковой киноварью и углём глаза по обе стороны от позеленевшего бронзового тарана и белые фигуры пунийских лучников и балеарских пращников, высыпавших на носовую площадку. До «Кастора» донёсся их высокий, торжествующий гортанный вой, звон ударяемых друг о друга дротиков и резкий, как крик чайки, свист корабельной флейты.

На корме «Кастора» тарентский кормчий, видя, что карфагенянин идёт со скоростью в два раза выше их собственной, побелел как полотно. За двести шагов до столкновения пунийская галера вдруг легко, словно конь под шенкелем опытного всадника, качнула кормой и взяла чуть вправо — уходя с прямого встречного курса в сторону левого борта римского корабля.

— *Диэкплус*! — отчаянно взвизгнул тарентиец, хватаясь обеими руками за рукояти рулевых вёсел. — Он не в лоб идёт! Он сейчас пройдёт вдоль нашего левого борта, срежет нам все вёсла под корень и развернётся нам в корму! Надо уваливаться вправо, подставлять под скользящий удар скулу и уходить под ветер!

Он уже навалился грудью на кормило, пытаясь отвернуть тупой нос «Кастора» в сторону от страшного захода пунийца, как это делали все греческие моряки триста лет подряд.

Но стоявший за его спиной центурион Гиртий не знал греческой морской науки — зато он двадцать лет стоял в первой шеренге против самнитских клиньев и слонов Пирра и знал, что бывает со строем, который начинает крутить спиной перед ударом врага.

Одним коротким, страшным ударом окованного железом кулака Гиртий сбил тарентийца с ног прямо на палубные доски, сам перехватил тяжёлую дубовую рукоять руля и со всей своей бычьей силой рванул её в обратную сторону.

— Лежать, крыса береговая! — проревел центурион так, что его услышали даже в трюме сквозь грохот воды. — Келевст! Слушай мою команду! Правый борт — воду табань! Левый борт — рви вёсла на себя во всю жилу! Разворачивай нос прямо ему в морду! Не давать ему борта!

Внизу, в полутёмном, залитом потом и вонью чреве «Кастора», греческий келевст с силой опустил медный молоток на дубовую колодку: *тук-тук-тук!* Сто пятьдесят гребцов правого борта с общим надрывным хрипом упёрлись лопастями пихтовых вёсел в набегающую воду, тормозя ход, тогда как левый борт из последних сил рванул рукояти со свинцовыми грузами себе на грудь.

Тяжёлый, неповоротливый корпус «Кастора» задрожал, заскрипел всеми своими сырыми сосновыми шпангоутами, но послушно остановил уклонение и медленно, тупо, как осаждённый собаками медведь, довернул свой широкий нос с торчащим в небо столбом «ворона» прямо навстречу заходящему сбоку карфагенянину.

Марк глянул краем глаза влево и вправо по линии. Ни один из восьмидесяти трёх римских кораблей не пытался маневрировать, уходить от тарана или соревноваться с пунийцами в изяществе поворотов. По всему двухмильному фронту у мыса Милы чёрные, неуклюжие римские квинкверемы по примеру своего консула Гая Дуилия делали одно и то же — тормозили одной стороной вёсел и упрямо поворачивали свои уродливые носовые столбы с подвешенными мостами в лицо несущимся на них врагам.

Сто шагов.

На баке карфагенской пентеры пращники с силой раскрутили над головами кожаные ремни, а нумидийские лучники натянули тетиву до самых золотых серёг в ушах.

— Первые три шеренги — щиты в замок! Головы под верхний обод! — рявкнул стоявший у барабана лебёдки десятник Спурий Лукреций, перехватывая двумя руками тяжёлый железный молот для выбивания стопорного клина.

Марк и Тит с глухим стуком сдвинули края своих овальных скутумов вплотную и присели на полвершка, закрывая бронзовыми козырьками шлемов узкую щель над кромкой дерева. Задняя шеренга вскинула свои щиты наклонно над их головами, образуя короткий деревянный навес.

Через мгновение по сухой бычьей коже и буковым планкам застучал железный и свинцовый град.

Бах! Бах! Тц-ц-ц!

Тяжёлый свинцовый жёлудь балеарской пращи весом в три унции с такой силой врезался в середину скутума Марка, что доска под кожей треснула, а левую руку сабина отдачей шибло назад до самого нагрудника. Две длинные тростниковые стрелы с гранёными бронзовыми наконечниками намертво впились в верхний край щита Тита, дрожа оперением в двух пальцах от его глаз. В четвёртом ряду за их спинами кто-то из прикомандированных сицилийских легионеров опоздал поднять щит — свинцовая пуля пращника с мокрым, глухим хрустом раздробила ему переносицу под козырьком шлема. Человек без единого звука, как мешок с зерном, рухнул навзничь между ног товарищей, заливая посыпанную песком палубу густой тёмной кровью.

— Стоять! Смыкай на убитого! Не открывать щелей! — перекрывая свист стрел и шум воды, гремел с кормового мостика голос Гиртия. — К канатам оттяжек — приготовиться! Ждать моего знака!

Пятьдесят шагов.

Карфагенский триерарх на баке головной пентеры — рослый, широкоплечий пуниец в сверкающем чешуйчатом бронзовом панцире и коринфском шлеме с высоким алым гребнем — видел, что неуклюжий римский корабль не успевает развернуться полностью и сам подставляет под удар свою левую носовую скулу. На смуглом, обрамлённом курчавой бородой лице офицера мелькнул хищный, радостный оскал. Он взмахнул широким иберийским мечом и что-то прокричал в люк своему келевсту. По приказу триерарха пунийские гребцы правого борта в последний момент с маху втянули свои вёсла внутрь корпуса, чтобы не переломать их о врага, а левый борт дал последний, сокрушительный рывок.

Двадцать шагов. Десять.

Карфагенская пентера на полном ходу, неся перед собой бурун белой пены, влетела под нависшую над водой чёрную тень римского носового столба.

Марк из-под края своего щита видел уже каждую заклёпку на вражеском борту, видел залитые маслом смуглые лица матросов, готовивших длинные абордажные багры, и чувствовал резкий запах чужого кедрового дерева и благовоний с кормы пунийца.

В следующую секунду окованный бронзой носовой брус карфагенской галеры со страшным, оглушительным грохотом врезался по касательной в левую скулу «Кастора», прямо перед первыми весёльными портами. Три передних пихтовых весла римского корабля, которые гребцы не успели втянуть, лопнули, как сухие камышины. Внизу, в трюме «Кастора», раздался дикий, нечеловеческий вопль: расщеплённые комли вёсел со свинцовыми противовесами обратным ударом смели со скамей пятнадцать человек первой тройки, ломая рёбра, челюсти и руки.

От чудовищного скользящего удара весь сырой корпус «Кастора» содрогнулся так, что Марк и Тит едва удержались на ногах, упершись плечами в деревянный столб «ворона». А карфагенская пентера, потеряв половину инерции о толстую сосновую скулу римлянина и скрежеща своим привальным брусом о борт «Кастора», начала медленно, впритирку протягиваться вдоль него вперёд, ломая корпусом следующие вёсла.

Вражеский бак на три удара сердца оказался в пяти шагах прямо под носом «Кастора», слева от столба.

— Поворачивай мост на левую скулу! — не своим голосом заорал с кормы Гиртий, взмахивая мечом. — Лукреций — бей!

Четверо рослых манипуляриев у боковых оттяжек с коротким рыком навалились на правый канат. Промазанная бараньим салом железная обойма на столбе со скрежетом провернулась, и задранный в небо тридцатишестифутовый дубовый помост описал в воздухе четверть круга, нависнув своим трёхталантным железным клювом точно над серединой носовой палубы прижавшегося к ним карфагенского корабля.

Пунийский триерарх в алом гребне, стоявший на своём баке в десяти шагах от Марка, вдруг осёкся на полуслове и задрал голову вверх — туда, где прямо над его лицом, заслоняя сицилийское солнце, качнулась чёрная деревянная громада. Он ещё не понял до конца, что это за машина, но древний инстинкт моряка ударил ему в сердце ледяным холодом.

— Назад! Левый борт — табань! Отваливай от борта! — отчаянно закричал он по-пунийски, пятясь к мачте.

Но десятник Спурий Лукреций уже со всего размаху опустил тяжёлый железный молот на дубовый стопорный клин лебёдки.

III. Casus Corvi

Железный молот Спурия Лукреция со звоном вышиб дубовую чеку из зубчатого колеса лебёдки.

Барабан сорвался с места с таким бешеным, захлёбывающимся визгом, что из-под залитой салом оси брызнул едкий сизый дым, а бронзовый блок на самой верхушке двадцатичетырёхфутового столба тонко, пронзительно взвыл, словно раненая птица. Пеньковый канат толщиной в руку легионера со свистом бича метнулся вверх, обжигая воздух и разбрасывая мелкие сухие волокна пеньки.

Тяжёлый тридцатишестифутовый дубовый помост, окованный по углам железными полосами, пришёл в движение. Секунду он медленно отваливался от вертикального бревна, преодолевая мёртвую точку, а затем, набирая чудовищную скорость свободного падения, со всей своей шестидесятиталантной тяжестью обрушился с неба прямо на носовой настил карфагенской пентеры.

Тень от падающего моста накрыла пунийский бак быстрее, чем стоявшие там люди успели сделать вдох.

Двое балеарских пращников в белых туниках и молодой карфагенский лучник, стоявшие у правого фальшборта вражеской галеры, даже не поняли, что на них летит. Они только вскинули головы на странный визг блока — и в то же мгновение конец дубового настила шириной в четыре фута накрыл их сверху, как падающая крепостная башня.

Удар был такой сокрушительной силы, что оба корабля содрогнулись от килей до клотиков.

Не было даже крика — только короткий, влажный хруст раздавленных грудных клеток и черепов, смешанный с пушечным грохотом ломающегося дерева. Трёхталантный стальной пест, выкованный кузнецами Остии в форме четырёхгранного вороньего клюва, насквозь, как гнилую тыкву, прошил двухдюймовые доски сухого атласского кедра, которыми так гордились карфагенские корабелы, раздробил в щепу толстый поперечный дубовый бимс под палубой и вошёл в самое нутро вражеского носа по кованое подъёмное кольцо.

Во все стороны на двадцать шагов веером брызнули острые кедровые щепки, обломки бронзовых шлемов и горячие красные капли.

Нос изящной пунийской пентеры от страшного удара сверху глубоко, по самые намалёванные киноварью глаза, ушёл в зелёную воду. Волна с рёвом перекатилась через её форштевень, заливая по щиколотку ошеломлённых матросов, а корма с высоко поднятым золочёным хвостом взметнулась в воздух так, что рулевые вёсла на миг обнажились до самых лопастей.

— Греби назад! Все три яруса — табань воду! Рубите это бревно топорами! — истошно, срывающимся голосом закричал с середины палубы уцелевший карфагенский триерарх в алом гребне, оглушённый воздушной волной и забрызганный кровью собственных стрелков.

Внизу, в пунийском трюме, отчаянно заверещала серебряная флейта. Триста карфагенских гребцов, не видящие того, что случилось наверху, но почувствовавшие страшный удар в корпус, со всей силой тренированных спин навалились на вёсла обратным ходом, пытаясь

выдернуть корабль из ловушки. Вода между двумя бортами вскипела белым водоворотом. Шестьдесят красных вёсел пентеры выгнулись дугой, кожаные ремни уключин затрещали от немыслимой натуги, корпус карфагенянки мелко задрожал, словно пойманная в железный капкан волчица...

Но стальной клюв сиракузца держал мёртвой хваткой.

Загнутое четырёхгранное жало с зазубринами на гранях намертво заклинилось между продольными стрингерами и бимсами пунийского набора. Чем яростнее карфагенские гребцы рвали вёсла назад, тем глубже железная обойма у основания моста вжималась в лиственничный столб на носу «Кастора», и вместо того чтобы оторваться, вражеская галера лишь беспомощно развернулась на стальном шипе, как на оси, и с глухим, протяжным стоном сминаемых вёсел всей длиной своего правого борта вжалась в просмолённый бок римской квинкверемы.

Два корабля среди открытого моря слились в одно неподвижное деревянное поле.

От высокого бака «Кастора» прямо в середину вражеской палубы, поверх раздавленных тел и сломанных перил, легла широкая, огороженная с боков дубовыми бортиками наклонная дорога.

На одну долю секунды над обоими сцепившимися судами повисла оглушительная тишина, в которой было слышно только, как с досок мостика в море густо капает кровь.

И тогда с кормы «Кастора» пронёсся хриплый, торжествующий, как медная труба, рёв центуриона Гиртия:

— Четвёртая центурия — по мосту! Валерии — вперёд! Режь их на их же досках!

IV. Primum Saltum

Марк не ждал, пока дозвучит последнее слово команды — его сжатое, как пружина торсионной катапульты, тело рванулось вперёд в тот самый миг, когда железная обойма «ворона» перестала скрипеть на столбе.

Он перешагнул через низкий разборный брус носового фальшборта первым, с левой стороны, а Тит — след в след, справа, вжимая левый край своего овального скутума в правый обод щита брата.

Подкованные железными гвоздями подошвы их калиг с сухим, звонким грохотом ударили по дубовым плахам штурмового мостика.

Четыре фута ширины между боковыми перилами — ровно столько, чтобы два римских гастата в полном доспехе шли плечом к плечу, закрыв проход сплошной стеной из двух выгнутых щитов от одного бортика до другого. Никакой морской зыби, никакого страха оступиться в пустоту: деревянные стенки по колено надёжно держали шаг с боков, а под ногами была твёрдая, неподвижная дубовая доска, наклоненная вниз, к вражеской палубе, под удобным углом для разбега.

За спинами Марка и Тита весь тридцатишестифутовый помост мгновенно загудел и задрожал, как натянутая шкура огромного барабана.

Следом за первой парой на доски «ворона» вскочили Спурий Лукреций с напарником, за ними — третья, четвёртая, пятая пара первой десятки, а сзади с коротким, рубленым пехотным рыком уже вливалась на мост вся сотня манипуляриев и сицилийских легионеров. Сто двадцать тяжёлых сапог били в дерево в один шаг; этот слитный, неумолимый железный топот давил братьям в спину, не оставляя ни единой возможности замедлить бег или оглянуться.

На том конце моста, у самого торчащего из развороченной кедровой палубы стального клюва, пунийцы уже опомнились от первого шока.

Рослый карфагенский триерарх в чешуйчатом бронзовом панцире отчаянно махал мечом, сгоняя к пробитому баку всех, кто был на верхней палубе: три десятка легковооружён-

ных ливийских матросов с абордажными пиками, иберийских наёмников с круглыми щитами-каэтрами и уцелевших нумидийских стрелков.

Они понимали: если дать этим людям сойти с узких досок мостика на палубу и развернуться в шеренгу — всему кораблю конец.

— К клюву! Копьями их на сходе! Сбрасывай в воду! — кричал по-пунийски офицер, толкая в спину передних копейщиков.

Дюжина смуглых ливийских моряков в кожаных шлемах и льняных панцирях с гортанным воем кинулась к концу «ворона», ощетинившись длинными, в два человеческих роста, абордажными дротиками и баграми, чтобы встретить первых римлян на острие железа в момент прыжка с помоста.

До конца мостика оставалось пять шагов.

Марк бежал, низко пригнув голову в отцовском монтефортино за верхним обрезом скутума, глядя на врагов только в узкую щель под бронзовым козырьком. На полном бегу, не сбивая шага, он отвёл правую руку с зажатым в ней тяжёлым пилумом назад до отказа и в три шага от стального клюва с коротким, хриплым выдохом метнул копьё в самую гущу сгрудившихся у схода ливийцев. Слева от его уха со свистом пропел второй пилум, выпущенный рукой Тита.

Тяжёлый, восьмифунтовый римский снаряд с длинным мягким железным жалом с пяти шагов не знал преград. Пилум Марка с сухим треском расколол пополам круглый деревянный щит переднего ливийского боцмана, на ладонь вошёл ему в грудную кость и под собственной тяжестью согнулся в железной шейке, повалив умирающего моряка прямо под ноги напиравшим сзади товарищам. Копьё Тита ударило второму копейщику в бедро, пригвоздив его ногу к кедровому настилу палубы.

Перед концом мостика на миг образовалась кровавая заминка — и в эту самую секунду Марк и Тит добежали до железного клюва.

В руках у обоих уже были короткие широкие мечи, выхваченные из ножен в последнее мгновение бега.

— Прыгай! — рявкнул Марк.

Не задерживаясь у торчащего из досок стального песта, оба брата синхронно оттолкнулись подкованными калигами от окованного края «ворона» и с высоты двух локтей всей тяжестью своих тел и огромных щитов обрушились прямо на вражескую палубу по обе стороны от железного клюва.

Марк приземлился на согнутые ноги прямо на грудь сбитого его пилумом боцмана. Под подошвами хрустнули чужие рёбра и скользнула мокрая от крови кедровая доска, но сабин устоял — врос широкими ступнями в палубу Карфагена так же намертво, как стоял когда-то в каменистой борозде за Курами.

В то же мгновение на него с двух сторон обрушились три абордажных копья. Одно жало с визгом прочертило глубокую борозду по выпуклому бронзовому умбону его скутума, второе скользнуло по наплечнику, вырвав клок шерстяной туники, а третий пуниец — жилистый чернобородый матрос с золотым кольцом в ноздре — с размаху рубанул тяжёлым абордажным топором сверху вниз, целясь расколоть шлем Марка.

Марк не стал отступать к мостику, где ему в спину уже дышал выскакивающий следом Спурий Лукреций. Вместо защиты он сделал короткий, бычий шаг вперёд и со всей силой левого плеча и спины, как тараном, врезал верхним окованным ребром своего двадцатифунтового скутума прямо в грудь и подбородок матросу с топором.

Удар широкого римского щита в тесноте палубы сработал страшнее дубины. Пунийца с разбитым в кровавую кашу ртом отбросило назад на руки второго копейщика; его топор бесполезно звякнул о железное кольцо «ворона», а правая рука Марка из-под нижнего края скутума коротким, незаметным движением пахаря, вгоняющего заступ в дернину, выбросила вперёд старый отцовский меч.

Сточенное оселком широкое лезвие вошло карфагенянину прямо в незащищённый живот под кожаным поясом, насквозь пробив кишки до самого позвоночника. Марк резко провернул рукоять, выдернул горячий, дымящийся клинок и тут же вторым коротким ударом яблока рукояти в висок сбил с ног лезшего слева копейщика.

Справа от него, плечом к плечу, в своей первой в жизни рукопашной яростно рубился Тит.

На него насел рослый иберийский наёмник в волчьей шкуре поверх кожаного панциря, тесня его круглым щитом с бронзовым шипом обратно к борту, к воде. Тит попятился на полшага, его каблук уже упёрся в низкий ватервейс пунийской палубы, а короткий серповидный меч ибера взлетел вверх, чтобы отсечь юноше руку над щитом.

Но Тит не закрылся и не дрогнул. Помня уроки Гиртия на песке Остии, он резко присел под занесённый клинок, принял удар иберийского щита на свой левый бок и снизу вверх, с двух ног, вогнал остриё меча прямо в открытую подмышку наёмника. Ибер захлебнулся собственным криком и рухнул лицом на железный клюв «ворона».

— Вот тебе и сухая палуба, Марк! — хрипло, с диким, шальным оскалом выдохнул Тит, выдёргивая окровавленный клинок и вставая обратно плечом к брату. — Скользкая, зараза, не хуже нашей!

А позади братьев с конца мостика на захваченный пятачок палубы уже прыгали пара за парой люди четвёртой центурии. Спурий Лукреций, растолкав плечом напиравших пунийцев, встал слева от Марка; два огромных лесоруба с берегов Анио пристроились справа от Тита, закрывая фланг до самого правого борта; за ними плотной второй и третьей шеренгой вставали сицилийские легионеры с пилумами наперевес. За двадцать ударов сердца на носу карфагенской пентеры выросла глухая, ощетинившаяся короткими мечами стена из восьми широких римских скутумов, перекрывших всю ширину вражеского корабля от борта до борта.

— Первая шеренга — шаг вперёд! — хрипло скомандовал выскочивший на палубу следом за первыми десятками центурион Гиртий, указывая окровавленной виноградной лозой на сбившихся у мачты пунийцев. — Дави их к корме, волки! Не давать им места для размаха!

Марк переступил через судорожно дёргающееся на кедровых досках тело убитого им матроса, плотнее прижал локоть к щиту Тита и вместе со всей железной коробкой манипулы сделал первый тяжёлый шаг вдоль вражеской палубы.

V. Pavor Nautarum

Узкая, в восемь шагов шириной палуба карфагенской пентеры за две минуты превратилась в каменный коридор бойни, из которого не было выхода.

Для сухопутного римского пехотинца эта теснота была родной стихией. В поле, на открытой равнине, лёгкие нумидийские застрельщики и иберийские мечники могли кружить вокруг тяжёлой манипулы, осыпая её дротиками с флангов и уходя от удара. Но здесь, между двумя невысокими кедровыми фальшбортами, за которыми внизу кипела глубокая вода, бежать было некуда — и сорок легковооружённых пунийских матросов и наёмников оказались лицом к лицу с надвигающейся на них глухой стеной тяжёлых римских гастатов.

Марк шёл на левом краю первой шеренги, втиснув плечо в щит Спурия Лукреция, а правым локтем чувствуя дыхание Тита.

Шаг. Удар щитом. Короткий тычок. Шаг.

Стена овальных скутумов двигалась от пробитого бака к средней мачте медленно, тяжело, с неумолимым скрежетом подкованных калиг по скользкому от крови кедру. Окованные бронзой верхние кромки щитов принимали на себя отчаянные, рубящие сверху удары пунийских абордажных топоров и кривых иберийских мечей; дерево трещало, от него отлетали щепки, но три слоя проклеенного бука и сырая бычья кожа держали намертво. А в следующую долю

секунды, пока вражеский клинок ещё вяз в верхнем ободе, из-под нижнего края римского щита на уровне пояса выскакивало короткое, широкое жало меча и методично входило в мягкий, незащищённый живот или пах.

Перед Марком, прижатый спинами собственных товарищей к основанию главной мачты, метался рослый ливийский копейщик в одном льняном нагруднике. Его длинное абордажное копьё в этой давке стало бесполезной палкой — он не мог ни размахнуться им, ни отступить на шаг, чтобы нанести удар. Когда щит Марка с хрустом прижал его к толстому кедровому стволу мачты, ливиец выронил древко, схватился голыми руками за верхний край римского скутума и со звериным воем попытался вырвать его из рук сабина.

Марк даже не стал вырывать щит обратно. Он просто навалился на дерево всем весом тела, вдавив грудь врага в мачту так, что у того перехватило дыхание, а правой рукой коротким, экономным движением вогнал старый отцовский клинок ему под рёбра — снизу вверх, прямо в сердце. Кровь хлынула на правое запястье Марка, заливая мозолистые пальцы. Он выдернул меч и перешагнул через сползающее по мачте тело.

Справа от него, хрипло вскрикивая при каждом выпаде, работал мечом Тит. Из-под рассечённой щеки младшего брата по подбородку и бронзовой бляхе-кардиофилаксу стекала тонкая алая струйка, но глаза его горели холодным, ожесточённым огнём. Когда один из пунийских матросов попытался перепрыгнуть через низкий бортик и ударить Тита с фланга, юноша даже не повернул головы — просто выбросил вперёд край своего щита, сбив нападавшего с ног, и с размаху добил его сверху вниз, пока тот пытался подняться на скользких досках.

У середины корабля пунийский строй окончательно сломался.

Видя, что передняя половина их палубы уже завалена изрубленными телами, а по широкому дубовому мосту с «Кастора» непрерывным потоком, пара за парой, всё ещё вливаются свежие легионеры, карфагенские моряки и наёмники потеряли рассудок. Их длинные мечи и лёгкие круглые щиты-каэтры не могли пробить римскую стену; их стрелы и дротики, пущенные в упор, бессильно отскакивали от окованных скутумов.

— Демоны! Они не падают! — закричал кто-то по-гречески из-за мачты.

Один из нумидийских лучников первым бросил свой короткий роговой лук прямо под ноги римлянам, перемахнул через правый фальшборт и с глухим всплеском исчез в зелёной воде. За ним, давя друг друга и срывая с себя кожаные панцири, к обоим бортам и к кормовым люкам хлынула вся уцелевшая команда.

Одни прыгали в море, предпочитая утонуть или попасть под тараны соседних судов, лишь бы не видеть перед собой эти безмолвные, залитые кровью лица под бронзовыми козырьками шлемов. Другие, обезумев от ужаса, срывали крышки с кормовых люков и кубарем скатывались вниз, в зловонную темноту трюма, прямо на головы своих гребцов, где их уже пытался остановить ударами меча плашмя рассвирепевший карфагенский триерарх в алом гребне.

— Держать линию! К корме, четвёртая центурия! — гремел позади братьев голос Гиртия. — Не давать им запереть люки!

На секунду, пока передние пунийцы в панике откатывались к кормовой надстройке, Марк перевёл дыхание и глянул поверх низкого борта на море вокруг «Кастора».

То, что он увидел, заставило даже его угрюмое, закаменевшее сердце тяжело ударить о рёбра.

На полмили влево и вправо от них не было больше никакого морского боя — там стоял один сплошной, грохочущий деревянный хаос. Почти три десятка быстроходных карфагенских пентер, которые четверть часа назад с пеной у таранов неслись топить римские «корыта», теперь стояли намертво пригвождёнными к чёрным римским бортам. Повсюду над водой торчали лиственничные столбы, повсюду с визгом и грохотом падали мосты, и по каждому из них, как муравьи по перекинутым через ручей брёвнам, бежали тяжёлые римские пехотинцы.

Весь хвалёный авангард Карфагена — тридцать лучших кораблей, гордость верфей Бирсы — за десять минут был взят на крюк и превращён в плавучую бойню.

VI. Fuga Septiremis

С высоты кормового помоста семирядной гептеры Пирра Ганнибал Гискон смотрел на гибнущий впереди авангард, и его холёное лицо на глазах превращалось в серую, безжизненную маску. Серебряная чаша выскользнула из его пальцев и со звоном покатилась по кипарисовому настилу.

Тридцать лучших, самых быстрых пентер Карфагена стояли неподвижно, намертво пригвождённые к чёрным римским бортам. Ветер доносил до флагмана не привычный треск вёсел, а глухой лязг сухопутной рукопашной и вопли пунийских матросов, прыгающих за борт от римских мечей.

— Баал-Хаммон... — прошептал побелевшими губами старый кормчий Магон. — Господин... Это перекидные мосты с железными шипами. Они прибивают корабль на месте и пускают по доскам легионеров... Весь авангард погиб!

Ганнибал вздрогнул, словно от удара плетью: за поражение Совет Ста четырёх в Карфагене прибивал адмиралов гвоздями к кресту. Он рванулся к фальшборту и в двух стадиях правее увидел римский флагман с красным консульским вымпелом — его расчёт только что выдирал окровавленный клюв из палубы тонущего врага.

— На носу, Магон! — сорвавшимся голосом крикнул адмирал. — Эти проклятые столбы стоят только на носу! На корме у них ничего нет! Поворачивай гептеру в обход! Сигнал второй линии — бить таранами в корму и в рулевые вёсла! Полный ход на флагман их консула!

Четыреста двадцать гребцов легли на вёсла. Сверкающая позолотой царская гептера заложила стремительную дугу, обходя свалку справа, и за ней устремились двадцать свежих пентер. Но когда семирядка, неся перед собой бурун пены, выскочила из-за дыма горящей триремы и нацелилась в правую заднюю скулу корабля Дуилия, римляне не стали разворачивать корпус. Правый борт затабанил, а два десятка манипуляриев бегом пронесли боковые канаты вокруг столба — провернув висящий в воздухе «ворон» почти до самого конца назад, вдоль собственного правого борта.

— Оно крутится вокруг столба! — в ужасе закричал Магон, наваливаясь на рулевое весло. — Господин, мост достанет нас сбоку!

Остановить семирядку на полном ходу было невозможно. По инерции она влетела впритирку к правому борту квинкверемы Дуилия, срезая собственные передние вёсла, — и в ту же секунду с режущим уши визгом блока на её вызолоченный нос обрушился «ворон». Трёхталантный клюв раздробил носовую башню лучников и намертво вгрызся в бимсы. А через десять ударов сердца с левой скулы к обездвиженной гептере подошла вторая римская пентера и сбросила на неё второй «ворон».

Сразу по двум широким дубовым дорогам на палубу царского флагмана хлынули две отборные центурии. Личную гвардию адмирала смели за три минуты; тяжёлый пилум вонзился в золочёное древко его штандарта, а старый кормчий Магон рухнул на рулевое весло с пробитой грудью.

Ганнибал Гискон посмотрел на надвигающуюся стену окровавленных римских щитов — на спокойные, безжалостные лица мясников под бронзовыми козырьками. Он не стал ждать, пока эти руки сомкнутся на его горле. Бросив и пурпурный шатёр, и священный штандарт, и военную казну, адмирал Карфагена перемахнул через резные перила кормы, скатился по канату в подвешенную курьерскую шлюпку и истошно закричал гребцам:

— Руби фалинь! Руби, рабы, или я сам перережу вам глотки!

Удар топора перерубил канат, и маленькая лодка, петляя под градом римских дротиков, помчалась прочь.

Когда остальные сто пунийских триерархов увидели, как над их неприступной гептерой рушится адмиральский шатёр, а сам командующий бежит на шлюпке, воля эскадры сломалась окончательно. По всему морю завыли рога всеобщего отступления. Уцелевшие галеры, поднимая на ходу паруса, обратились в бегство к Панорму, оставляя в руках вчерашних сухопутных пахарей тридцать один захваченный корабль, царский флагман и господство над проливом.

VII. Praeda Cruenta

Верхняя палуба карфагенской пентеры затихла быстро, но внизу, под ногами, вражеский корабль ещё огрызался.

Вдоль кедровых бортов вповалку лежали три десятка изрубленных матросов и нумидийских стрелков; солёная вода, захлёстывавшая через пробитый клювом «ворона» нос, смешивалась с густой кровью и медленно стекала в шпигаты. Но из открытого кормового люка, ведущего вниз, на верхний ярус гребных банок, всё ещё торчали острия длинных абордажных копий. Там, в полумраке среди трёхсот перепуганных, прикованных к скамьям гребцов, заперлись последний командир корабля — тот самый широкоплечий карфагенский триерарх в алом гребне и чешуйчатом бронзовом панцире — и шестеро его телохранителей из иберийских наёмников.

— Выжигать их смолой нельзя, консул велел брать корпуса целыми, — прохрипел центурион Гиртий, останавливаясь у самого края люка и вытирая тыльной стороной ладони кровь из рассечённой пращным камнем брови. — Лукреций, Валерии, Гай — за мной вниз! Вычистить трюм до киля, гребцов не трогать — они теперь казённые рабы!

— Ох, люблю я это дело, — буркнул Тит, заглядывая в тёмный люк, откуда торчали копья, и поправляя сбившийся набок шлем. — Темно, тесно, воняет как в отцовском хлеву — прямо как дома, только гости с топорами.

Марк первым ступил на узкий, почти отвесный трап, держа перед лицом изрубленный, с оторванным углом скутум. Сразу за его спиной, гремя бронзовой нагрудной бляхой, спустился Тит.

После ослепительного полуденного солнца наверху в междупалубном пространстве царил душный, тяжёлый полумрак. Единственный свет пробивался сюда через узкие весёльные порты да решётки палубных люков, выхватывая из темноты сотни блестящих от пота, сжавшихся на скамьях спин. Воздух здесь был таким плотным от вони немытых тел, прогорклого сала, страха и чада опрокинутых масляных светильников, что в горле мгновенно пересыхало.

Едва подкованные калиги Марка коснулись узкого, в два локтя шириной, центрального прохода между ярусами скамей, как из-за толстого кедрового пиллерса с коротким, звериным рыком выскочил иберийский наёмник. Его тяжёлый серповидный меч-фальката со свистом обрушился сверху на скутум Марка. Оковка щита не выдержала — железо лопнуло, остриё иберийского клинка рассекло буковую доску на ладонь вглубь и завязло в дереве в трёх пальцах от шлема сабина.

Марк не стал тянуть щит на себя — он резко дёрнул левую руку влево, выворачивая кисть врага, а выскочивший из-за его правого плеча Тит длинным, экономным выпадом вогнал свой меч иберу прямо в подмышку, туда, где кончался кожаный нагрудник. Наёмник захрипел и повалился на колени сидевшего рядом гребца, который с истошным воплем вжался в борт.

Сзади с трапа уже спрыгнули Спурий Лукреций и Гиртий, тесня остальных охранников к носовой переборке. В тесноте прохода началась слепая, глухая резня в упор, где нельзя было размахнуться — только толкать щитом и колоть.

И тут, оттеснив плечом двух своих падающих иберов, прямо перед Марком в узком проходе вырос сам карфагенский триерарх.

В полумраке трюма он казался огромным. Его высокий коринфский шлем почти касался верхних бимсов, а на груди тусклым, маслянистым блеском переливался тяжёлый чешуйчатый бронзовый панцирь, сработанный лучшими оружейниками Бирсы поверх пурпурной шерстяной туники. Щита у пунийца уже не было, но в правой руке он сжимал прямой, обоюдоострый карфагенский меч из синеватой иберийской стали — длиннее и тяжелее римского, с литым бронзовым навершием в виде оскаленной львиной головы.

Триерарх не собирался сдаваться в римские цепи. С холодной, обречённой яростью аристократа, защищающего собственный корабль до последнего вздоха, он шагнул навстречу Марку, переступая через мёртвого ибера, и с двух рук обрушил свой тяжёлый клинок сверху вниз.

Марк успел подставить разбитый скутум под косой угол. Удар пунийской стали был чудовищным — лезвие срубило остаток верхнего края щита, со звоном скользнуло по бронзовому куполу отцовского шлема Марка так, что перед глазами вспыхнули белые искры, и скрежетнуло по железным пластинам на его левом плече. От этого удара колени Марка подогнулись, и он опустился на одно колено прямо на скользкие доски прохода.

Карфагенянин уже заносил меч для второго, добивающего удара в незащищённую шею.

Марк не стал подниматься. Прямо с колена, вложив в движение всю силу широкой крестьянской спины и ног, он выбросил правую руку со своим старым, сточенным на треть ширины отцовским мечом вперёд и вверх — целясь в грудь врага.

Остриё старого сабинского клинка с визгом ударило в толстую, кованную внахлёст бронзовую чешую на груди триерарха. Старое, перекалённое ещё дедовской ковкой железо не взяло пунийскую броню — раздался сухой, звонкий, как лопнувшее стекло, хруст, и меч Марка переломился пополам в трёх пальцах от рукояти.

Обломок лезвия со звоном отлетел под скамьи гребцов. В руке Марка остался лишь бесполезный зазубренный огрызок.

Пунийский офицер оскалил белые зубы в короткой, хищной усмешке и начал опускать свой тяжёлый клинок на голову безоружного римлянина. Времени тянуться за кинжалом или отскакивать назад, где в спину уже упирался Тит, не было.

Марк бросил прочь остатки разбитого щита, рванулся всем телом вперёд — вплотную к груди врага, ниже замаха его меча. Левой рукой он мёртвой хваткой пахаря вцепился в запястье занесённой правой руки карфагенянина, а правой — с зажатым в кулаке острым, рваным обломком собственного меча — со всего размаху ударил триерарха снизу вверх, под край бронзового шлема, прямо в открытое под бородой горло.

Зазубренный излом старого железа с влажным хрустом вошёл в гортань по самые костяшки пальцев Марка.

Горячая, чёрная в полумраке трюма кровь хлынула прямо на лицо, шею и нагрудник сабина. Огромный карфагенянин коротко захрипел, его пальцы в золотых перстнях судорожно разжались, выпуская тяжёлый иберийский меч, и он всем весом своего бронзового панциря рухнул навзничь на деревянный настил прохода.

Марк тяжело поднялся с колена, вытирая левым предплечьем залитые чужой кровью глаза. В глубине трюма всё уже стихло — Спурий Лукреций и Гиртий добили последнего наёмника у носовой переборки, а три сотни прикованных гребцов сидели, вжав головы в колени, и боялись даже дышать.

Марк посмотрел на окровавленную рукоять отцовского меча с коротким обломком в своей руке, потом медленно наклонился, поднял с досок тяжёлый трофейный меч мёртвого триерарха и, подобрав заодно перерубленный топором Лукреция кусок клинка иберийского охранника, спрятал оба обломка в кожаную поясную суму.

— Живой, сабин? — хрипло спросил подошедший сзади Гиртий, оглядывая заваленный трупами проход и мёртвого офицера у ног Марка.

— Живой, центурион, — глухо ответил Марк, вгоняя трофейный пунийский меч в свои старые деревянные ножны. — Только старое железо о пунийскую бронзу не держит. Пришлось у хозяина корабля новое взять.

— А ты вежливый, брат, — подал голос Тит, вытирая свой клинок о полу туники убитого ибера и косясь на здоровенного мёртвого триерарха. — Хозяин, гляжу, даже не возражал — сам сдал оружие и прилёг отдохнуть.

VIII. Cognomen Castrorum

К закату море у мыса Милы успокоилось, превратившись в огромное, маслянисто-бурое поле, усеянное обломками вёсел, плавающими круглыми щитами и телами в белых и бурых туниках.

Уцелевшие корабли карфагенян давно скрылись за западным горизонтом. Римский флот, взяв на буксир тридцать одну захваченную галеру, медленно стягивался в тихую бухту под защитой мыса, где на берегу уже дымили костры сухопутных легионов.

Четвёртую центурию после боя перевели на широкую палубу захваченного семирядного флагмана — той самой царской гептеры Пирра, с которой бежал в шлюпке карфагенский адмирал и куда теперь перенёс свой командный вымпел консул Гай Дуилий. Здесь, на просторном кедровом настиле, ещё скользком от наспех смытой морской водой крови, под треск зажжённых смоляных факелов шла вечерняя перекличка выживших.

Из ста двадцати человек, стоявших утром на баке «Кастора», в строю осталось девяносто четыре. Восемнадцать раненых лежали в ряд у разорванного пурпурного шатра, где лекари с помощью клещей и уксуса вытаскивали из плеч и бёдер зазубренные бронзовые наконечники стрел, а восемь тел в снятых доспехах уже сложили на носу для завтрашнего погребального костра.

Марк и Тит стояли на правом фланге первой шеренги. У Тита была перевязана грязной полосой льна рассечённая щека, но юноша стоял прямо, широко расставив ноги, сжимая в руке трофейный щит взамен расколотого казённого, и в его глазах больше не было того затравленного крестьянского страха, с которым он недавно смотрел на ликторов на Марсовом поле.

Перед строем, у складного походного стола, освещённого двумя бронзовыми лампами, стояли военный трибун, писец с вощёными табличками наградных списков и центурион Гиртий с забинтованной головой. Чуть поодаль, опираясь на резные перила кормовой надстройки, за перекличкой молча наблюдал сам консул Гай Дуилий в расстёгнутом панцире.

— Тит Валерий, сын Луция, триба Клавдия! — выкликнул писец по табличке.

— Здесь! — звонко ответил Тит.

— Марк Валерий, сын Луция, триба Клавдия!

— Здесь! — глухо отозвался Марк, делая полшага вперёд.

На его груди кожаный нагрудник был прорублен на левом плече, сквозь рваный ремень чернела запёкшаяся кровь, лицо оставалось серым от въевшейся соли и копоти, а из старых деревянных ножен у бедра торчала массивная бронзовая рукоять карфагенского меча в виде львиной головы.

Писец уже занёс бронзовый стилос над чёрным воском, чтобы поставить обычную засечку уцелевшего в строю, но центурион Гиртий вдруг протянул свою тяжёлую, сбитую в кулачных боях ладонь и остановил руку грамотея.

— Погоди мазать, писец, — хрипло сказал ветеран и повернулся к военному трибуну и консулу Дуилию. — Консул, этот сабин и его младший брат сегодня на «Касторе» стояли в первой паре у штурмового моста. Они первыми ступили на доски «ворона», когда ещё канат на

блоке не перестал дрожать, первыми спрыгнули на бак головной пунийской пентеры, приняли на свои щиты весь первый удар тридцати матросов и удержали пятачок у железного клюва, пока по мосту не перешла вся первая полуцентурия. А потом этот же Марк Валерий в трюме обломком сломанного меча и голыми руками забил насмерть их триерарха.

Гай Дуилий медленно спустился с кормовой ступени и подошёл к братьям вплотную. В колеблющемся свете факела плебейский консул внимательно вгляделся в скуластое, неподвижное лицо Марка — и вдруг узнал его.

— Это вы двое в Остии первыми прыгали по деревянному мосту сиракузца на старую баржу во время испытаний? — спросил Дуилий.

— Мы, консул, — ровно ответил Марк.

Дуилий перевёл взгляд на возвышающийся за бортом в темноте силуэт «Кастора», где на носовом столбе чёрной тенью на фоне звёздного неба вырисовывался поднятый вертикально мост с железным клювом.

— Сегодня ваши «вороны» дали Риму первую победу на море со дня основания Города, — громко, чтобы слышала вся выстроенная на палубе гептеры центурия, произнёс консул. — Выдать обоим братьям из захваченной на этом флагмане казны двойное жалованье серебром и по серебряному запястью за первый прыжок через борт!

Десятник Спурий Лукреций во второй шеренге довольно крякнул и толкнул локтем соседа:

— Слыхал? Кто первым с «ворона» на падаль прыгнул — тот сам Ворон и есть!

По усталому, израненному строю манипуляриев пробежал короткий, одобрительный гул:

— *Corvus!* Валерий Ворон!

Центурион Гиртий впервые за всё время, что Марк его знал, криво усмехнулся своим перерубленным шрамом ртом и ткнул виноградной лозой в вощёную табличку перед носом писца:

— Слышал, что строй говорит, грамотей? У нас в старых патрицианских родах был когда-то свой Валерий Корв, которому в древности ручной ворон на шлем садился. А этому сабинскому быку ворон на голову не садился — он сам по железному ворону первым в пекло побежал! Так и вписывай в наградные списки центурии, чтобы с другими Валериями в казне не путали: *Marcus Valerius, Lucii filius, Corvus*. Марк Валерий Ворон!

Острый бронзовый стилос со скрипом прочертил в чёрном воске новое имя, которое отныне должно было остаться за родом безземельных сабинских пахарей навсегда: *CORVUS*.

— Слыхал, брат? — шепнул Тит, когда строй распустили к котлам, и весело толкнул Марка плечом. — Теперь мы, считай, почти патриции. Осталось только виллу у моря прикупить — ну или хотя бы шлем новый, а то на этот даже ворон побрезгует сесть.

IX. Anulus ex Gladio

Два дня спустя после битвы каменистый берег Сицилии у мыса Милы походил на гигантское кладбище раздавленных зверей, в котором копошились тысячи людей.

Повреждённые в схватке римские квинкверемы и три десятка захваченных карфагенских галер вытащили на пологую гальку с помощью волов и воротов. Плотники снова грели котлы с чёрным варом, заделывая пробоины от таранов и выдранных «воронов», гребцы таскали из прибрежных рощ свежесрубленный ясень для замены переломанных вёсел, а чуть выше полосы прибоя, под прикрытием серых известняковых валунов, день и ночь дымили походные кузнечные горны.

Оттуда неслись едкий запах горелого угля, звонкий перестук молотов и шипение раскалённого металла в деревянных бадьях с солёной морской водой.

Марк шёл между кострами четвёртой центурии не спеша, чуть прихрамывая на правую ногу — в трюмной свалке он даже не заметил, как острая кедровая щепка рассекла ему кожу над самым ремнём калиги, и теперь рана ныла от въевшейся соли. На его боку в старых деревянных ножнах тяжело покачивался трофейный меч убитого триерарха с бронзовой львиной головой на навершии.

Рядом, держа в руках закопчённый медный котелок с водой, шагал Тит. Повязка на рассечённой щеке младшего брата уже побурела от пыли и пота, но держался он прямо, с тем новым, спокойным озорством, какое появляется у солдат, переживших свой первый бой.

Они остановились у крайнего горна, сложенного из дикого камня и обмазанного сырой глиной прямо у кромки прибоя. Здесь правил работу полковой кузнец четвёртой центурии — кряжистый, одноглазый кампанец по имени Калв, с обожжёнными до костяной корки предплечьями и толстым, прожжённым в десятке мест кожаным фартуком. У его ног в пыли валялась целая груда помятых бронзовых шлемов, разорванных кусков брони и зазубренных клинков. Двое молодых подручных-рабов мерно качали кожаные мехи, раздувая в каменном очаге ослепительное, почти белое пламя.

— Нагрудник притащил, Ворон? — не отрываясь от наковальни, где он выправлял погнутое жало пилума, прогудел кузнец. Прозвище, которое центурион Гиртий вписал в наградную табличку позавчера вечером, уже прилипло к Марку намертво — в лагере его почти перестали звать по имени. — Клади в кучу к остальным. До завтрашнего вечера не успею, у трибунов панцири пробиты.

— Нагрудник я сам ремнями стяну, — глухо сказал Марк. Он развязал кожаную поясную суму, достал завёрнутый в промасленную тряпицу свёрток и положил на плоский камень рядом с наковальней две вещи: тяжёлый, синеватый обломок трофейного пунийского клинка, перерубленного топором Спурия Лукреция в трюме вражеской пентеры, и две полновесные серебряные монеты из полученной накануне консульской награды.

Кузнец на мгновение замер с поднятым молотом. Он подцепил клещами кусок карфагенской стали, поднёс его ближе к своему единственному глазу и уважительно поцокал языком:

— Иберийская работа. Карфагенцы такое железо из рудников за морем возят, потом в земле по три года гноят, чтобы ржавчина мягкий шлак съела, а что осталось — в три слоя проковывают. Из этого куска, Ворон, тебе добрый засапожный нож выйдет. Кость рубить будет, как репу.

— Нож мне не нужен, — ответил Марк, глядя на белое пламя горна. — Выкуй мне из этого обломка перстень. На большой палец правой руки. Грубый, тяжёлый, чтобы с плоским щитком был.

Одноглазый кампанец медленно опустил молот на наковальню и с недоумением уставился на широкие, сбитые о рукоять рала и весло крестьянские руки сабина:

— Перстень-печатку? С ума сошёл, сабин? Такие кольца патриции да всадники из золота льют, чтобы воск на долговых табличках давить. На кой тебе, простому манипулярию, железо на пальце таскать? Только кожу натрёшь, когда меч сжимаешь.

Марк помолчал. Он вспомнил утренний холм за Курами, сухой стук копыт мула Спурия Клавдия и свинцовую печать на его буковых табличках.

— У меня в Сабинии больше ни земли, ни отцовского меча, ни межевых камней не осталось, мастер, — ровно сказал он. — Всё, что у нашего рода теперь есть — вот это новое имя, которое центурион в список вписал, да железо, которым мы его на пунийской палубе выкупили. Куй толсто, не жалей металла. И чтобы не лопнуло от удара.

Калв внимательно посмотрел в серые, неподвижные глаза Марка, потом перевёл взгляд на Тита и без лишних слов сгрёб серебряные монеты в карман фартука.

— Дело хозяйское. Платишь серебром — получишь железо, какое и в огне не сгорит. Эй, бездельники, жми мехи сильнее!

Кузнец зажал обломок пунийского клинка в длинные железные клещи и глубоко сунул его в самое сердце раскалённых углей. Через несколько минут синеватая сталь набрала ровный, ослепительно-жёлтый жар. Выхватив её на наковальню, Калв тяжёлым ручником начал оттягивать и складывать полосу, выбивая во все стороны тучи колючих рыжих искр.

Тит присел на корточки поодаль от жара, не отрывая глаз от работы мастера.

Калв не пытался сделать изящную городскую безделушку. Несколькими точными, злыми ударами он вытянул из обломка меча толстый четырёхгранный прут, приложил его к стальному рогу наковальни, согнул в тугое, массивное кольцо с запасом под широкий сустав сабинского пальца и, посыпав стык сухим речным песком, намертво сварил концы на белом калении. Верхнюю часть он расплющил до плоской, грубоватой восьмиугольной площадки размером с медную монету.

Когда металл остыл до тёмно-вишнёвого свечения, кузнец зажал кольцо в деревянные тиски, вытер пот с закопчённого лба и взял в руки короткое, остро отточенное зубило из самой твёрдой стали.

— Ну? — спросил он, поднимая глаз на Марка. — Буквы резать не умею, грамоте не обучен. Какую метку на щитке бить?

— Выбей то, чем мы их палубу пробили, — тихо сказал Марк. — Вороний клюв. Смотрящий вниз.

Кузнец коротко кивнул. Несколько минут над прибрежной галькой раздавался только сухой, дробный перестук маленького молотка по стальному чекану. Калв бил без затей, грубо и глубоко, вырубая в горячем железе резкие, угловатые линии: хищный изгиб птичьей головы и тяжёлый, загнутый книзу четырёхгранный клюв — точную копию того стального шипа на конце штурмового мостика, который два дня назад пригвоздил квинкверему Карфагена.

Закончив, мастер разжал тиски и клещами сбросил дымящееся кольцо прямо в деревянное корыто с мутной, пахнущей окалиной морской водой. Вода коротко, зло зашипела, выбросив в воздух облако едкого белого пара. Калв выловил остывшее железо, обтёр его пропитанной бараньим салом ветошью, чтобы не взялось ржавчиной от морского ветра, и бросил на раскрытую ладонь Марка.

Кольцо было тяжёлым, почерневшим от закалки, с грубыми следами молота по краям шинки. Оно не блестело, как золото патрициев, но в его холодном, тусклом весе чувствовалась та же неумолимая прочность, какая была в сломанном пунийском клинке, из которого оно вышло.

Марк с усилием протолкнул перстень на большой палец правой руки. Холодное железо легло вокруг сустава плотно, как звено цепи. Когда он сжал руку в кулак, плоский щиток с глубокой насечкой вороньего клюва встал точно поверх костяшки, превращая кулак в кованый кастет.

— Покажи, — негромко попросил Тит.

Марк протянул руку. Младший брат осторожно провёл грязным пальцем по острой, ещё пахнущей дымом и солью насечке на железном щитке и уважительно присвистнул:

— Крепкое. Таким и в зубы кому заехать — сразу печать рода на челюсти останется. Никакого воска не надо.

— И не должно разбиться, — ответил Марк, пряча усмешку и опуская руку на рукоять трофейного меча. — Пошли к палаткам. Гиртий велел до заката щиты залатать — завтра нас с кораблей на берег снимают.

X. Columna Rostrata

Осенью того же года от моря не осталось даже запаха — только бесконечная, липкая сицилийская глина, в которой вязли сапоги, колёса повозок и мёртвые мулы.

После разгрома у мыса Милы морская война для четвёртой центурии кончилась так же внезапно, как началась. Сырые, рассохшиеся за лето квинкверемы отвели на ремонт в доки Мессаны и Сиракуз, а морских пехотинцев во главе с центурионом Гиртием сгрузили на берег, придали сухопутным легионам и погнали вглубь западной Сицилии — в каменные предгорья под стены осаждённой Сегесты.

Здесь не было ни славных абордажей, ни богатых пунийских сундуков с серебром. Весь октябрь над холмами висели низкие, пропитанные водой серые тучи. Дождь шёл не ливнем, а мелкой, ледяной, выматывающей душу моросью, которая за два часа пробивала насквозь толстые шерстяные плащи, просачивалась под швы прохудившихся кожаных палаток и превращала осадные траншеи в зловонные канавы, полные рыжей жижи, конского навоза и нечистот.

Четвёртая центурия, как и две тысячи других пехотинцев, уже четвёртую неделю гнила в этих передовых окопах под самыми стенами города. Днём люди по колено в ледяной воде рыли контрвалационные рвы и таскали на спинах мокрые фашины под свист пращных камней со стен, а ночью сжимали окоченевшими пальцами пилумы на скользком валу, вглядываясь в темноту, откуда в любую минуту могли выскочить пунийские наёмники на вылазку.

От сырости, гнилого ячменя и мутной воды из лагерных колодцев в траншеях косила людей кровавая лагерная лихорадка. Из девяноста четырёх бойцов «Кастора», уцелевших при Милах, в строю к ноябрю едва набиралось семьдесят. Трое сабинских парней, пришедших с Марком по одному списку Клавдия, умерли не от меча — их вынесли из палаток на носилках в общую яму за тыловым валом, высохших до костей от кровавого поноса.

Вечером, после смены с передового караула, десяток Спурия Лукреция сбился в тесной, наспех вырытой в глиняном откосе землянке, прикрытой сверху гнилым хворостом и рваным брезентом. В центре, в неглубокой ямке, чадил скудный костёр из сырых оливковых корней. Едкий сизый дым выедал глаза, но давал хоть какое-то тепло. Над углями в помятом медном котелке лениво побулькивала жидкая, серая похлёбка из дроблёной полбы и прогорклого солёного сала.

Марк сидел на обломке разбитого щита, прислонившись спиной к сырой глиняной стенке, и обломком черепка счищал бурую корку грязи со своих разбитых калиг. Железное кольцо с вороньим клювом на большом пальце его правой руки потемнело ещё сильнее, но грани насечки от вечного трения о древко лопаты и рукоять меча отполировались до тусклого, холодного блеска.

Рядом, подтянув колени к подбородку и накинув на голову прожжённый искрами солдатский плащ, сидел Тит. Юношу уже третий день била мелкая вечерняя дрожь — он упрямо скрывал озноб от десятника, чтобы не отправили в грязные палатки лазарета, откуда редко кто возвращался на своих ногах.

В узкий лаз землянки, отряхивая с плеч потоки дождевой воды, влез Спурий Лукреций. Десятник только что вернулся от палатки военных трибунов, куда ходил за вечерним паролем и мешком казённой соли. Он тяжело опустился на камень у самого огня, бросил на землю мокрую деревянную дощечку с вырезанным словом караула и долго, мрачно смотрел в угли, потирая скрюченные ревматизмом пальцы.

— Ну что там у штаба, десятник? — хрипло спросил один из легионеров, мешая похлёбку обструганной веткой. — Про зимние квартиры в Сиракузах или хоть про сухие сухари не слышно?

— Какие тебе сухари, баранья голова, — зло хмыкнул Лукреций, сплёвывая в шипящую золу. — Обоз из Мессаны пришёл, а с ним вестовой из самого Рима. Сидеть нам в этих крысиных норах под Сегестой до самой зимы, пока осаду не снимут или стены не сгниют. Зато в Городе, сказывают, такой пир на весь свет гремит, какого со времён царя Пирра не видали!

Марк перестал скрести сапог и поднял тяжёлый взгляд на десятника:

— Что за пир? Война же и на треть не кончилась.

— Это для нас с тобой, Ворон, она в грязи тянется, — усмехнулся Лукреций, и в его усмешке не было ни капли веселья. — А для нашего бывшего командующего, консула Гая Дуилия, война уже в самый раз завершилась! Вестовой сам видел: Дуилий увёл те тридцать карфагенских галер, что мы своими горбами и «воронами» у Мил на крюк взяли, прямо в Остию и справил в Риме первый в истории Республики морской триумф!

В тесной землянке мгновенно стало тихо. Даже больной Тит высунул осунувшееся, бледное лицо из-под мокрого плаща.

— Три дня по Священной дороге к Капитолию тянулась процессия, — продолжал десятник, загибая кривые пальцы. — Впереди несли золотые венки, вели в железных цепях пленных пунийских триерархов, везли на повозках три тысячи семьсот фунтов золота и сто тысяч фунтов серебра из казны той самой семирядки Пирра, на которой нам Гиртий перекличку делал. А сам Дуилий ехал на белой четвёрке в пурпурной тоге, вышитой золотыми пальмами, как сам Юпитер Капитолийский!

— И нам с того серебра хоть по десятку ассов на сапоги прислали? — угрюмо буркнул кто-то из темноты землянки.

— Как же, держи карман шире! Интенданты ещё за сломанные в Остии щиты с жалованья не до конца высчитали. Зато на память о нашей победе сенат такую штуку на Форуме отгрохал — закачаешься! — Лукреций достал из-за пазухи сухую луковицу, с хрустом раскусил её пополам и сплюнул шелуху. — У всех тридцати пунийских кораблей, которые мы у Мил на абордаж брали, плотники по приказу Дуилия отрубили бронзовые носы с таранами. И прямо посреди Форума, напротив курии и ростр, воздвигли высокую колонну из чистого белого мрамора, а в тот мрамор со всех сторон вделали эти самые отрубленные карфагенские тараны — *Columna Rostrata*! На камне внизу глубокими буквами выбили, как консул Гай Дуилий первым из римлян разбил флот Карфагена на море и обратил в бегство Ганнибала!

Десятник помолчал, потом добавил со злой, короткой усмешкой:

— А самому Дуилию за эту славу сенат даровал невиданную почесть до самой смерти: теперь, когда он возвращается ночью с богатого пира домой, перед ним по улицам Рима за казённый счёт идут факельщик с восковым факелом и флейтист, играющий победный марш! Вот так-то, братцы. Кому — флейтист с факелом да мраморная колонна на Форуме, а кому — гнилая яма под Сегестой да кровавый понос!

В землянке повисла глухая, давящая тишина. Слышно было только, как снаружи по гнилому хворосту крыши однообразно и тоскливо барабанит холодный ноябрьский дождь, да где-то далеко на передовом валу хрипло перекликаются продрогшие часовые.

Тит долго смотрел на тусклые угли, и на его худых, впалых щеках проступил лихорадочный румянец.

— Эх, десятник, зря ты жалуешься, — тихо, с горькой, дрожащей усмешкой проговорил он, кутаясь в мокрый плащ. — Нам тоже музыкант положен, просто наш флейтист в Сегесте сидит и камнями из пращи посвистывает. А что на мраморе наших имён нет — так это даже к лучшему. Вдруг Спурий Клавдий на Форуме прочтёт и вспомнит, что мы ему ещё за старое ярмо должны.

В землянке коротко, невесело хмыкнули.

— Да только обидно, Марк, — добавил Тит уже тише, глядя на брата. — Ведь это мы с тобой на том «вороне» в первой паре стояли. И Луций из нашего десятка там на баке с пробитым горлом остался, и ещё семеро сабинских парней на берегу у Мил в золу сгорели... Хоть бы про Гиртия или про того грека, который мост придумал, словом обмолвились.

Марк не сразу ответил.

Он взял деревянную миску, зачерпнул из котелка горячей, пахнущей дымом и солёным салом полбяной жижи и протянул её младшему брату:

— Ешь, Тит, пока не остыло. А то к утру совсем свалишься.

Тит нехотя взял миску, обжигая озябшие пальцы о край.

— На белом мраморе на Форуме имена пахарей не пишут, брат, — ровно, без злости, но с какой-то новой, тяжёлой, взрослой трезвостью сказал Марк. — Сенату наплевать, кто именно первый прыгнул через борт и чья кровь осталась на досках. Для них мы — только счёт голов в цензорских списках, как для Спурия Клавдия в Курах, да глина под колёсами консульской колесницы.

Он медленно поднял правую руку к огню. В багровом, прыгающем свете костра на его широком, в старых шрамах и въевшейся грязи пальце тускло блеснул грубый, тяжёлый железный перстень с глубоко вырубленным вороньим клювом.

— Пусть Дуилий ходит по Риму под флейту, — глухо добавил Марк, сжимая кулак. — Его колонна стоит из камня, а наша память — здесь, на железе. Наше дело не на чужие триумфы глядеть, а выстоять в этой глине, сберечь друг другу спину и вернуться живыми. Бери ложку. Через два часа нашей смене снова выходить на вал.

CAPUT III: NAUFRAGIUM CAMARINAE

I. Reliquiae Reguli

Африка пахла раскалённым песком, верблюжьей мочой и гниющими бинтами.

Пять лет, прошедших со дня битвы у мыса Милы, не сделали море ближе — они только въелись белой солью в морщины у глаз Марка Валерия Корва, выбелили его русые виски и превратили шестнадцатилетнего Тита в широкого в кости, вечно скалящегося двадцатиодно-летнего легионера с длинным белым шрамом через левую бровь. За эти годы их старый, сбитый из сырой апеннинской пихты «Кастор» давно сгнил и был разобран на дрова в доках Сиракуз; теперь братья стояли на палубе новой квинкверемы «Янус» в составе гигантской армады из трёхсот шестидесяти четырёх боевых кораблей.

Флот стоял на якорях в полумиле от выжженного, рыжего берега у мыса Гермей.

Вчера здесь, в узком проливе, римские квинкверемы снова раздавили карфагенскую эскадру, пытавшуюся закрыть им подход к суше — сто четырнадцать пунийских судов с их командами и грузом уже качались на буксире в тылу армады. Но на палубах не было ни песен, ни пьяного смеха победителей.

Люди молча смотрели на берег, откуда через полосу ленивого, тёплого прибоя к римским шлюпкам и вытащенным на отмель кормам квинкверем брели по пояс в воде остатки африканской армии консула Марка Атилия Регула.

Их было едва две тысячи — всё, что уцелело от пятнадцатитысячного войска, ещё весной грозившего самому Карфагену.

Марк стоял у спущенного за корму «Януса» канатного трапа, широко расставив ноги, и протягивал вниз тяжёлую, потемневшую от солнца руку с грубым железным перстнем-печаткой на большом пальце. Рядом, перегнувшись через фальшборт, принимал оружие и щиты Тит.

— Хватайся за запястье, брат, — хрипло бросил Марк, перехватывая под мышки тощего, как высохшая виноградная лоза, триария в рваной, пропитанной чёрной кровью и песком тунике. — Давай ногу на брус. Держу.

Человек оказался пугающе лёгким. Когда Марк выволок его на кедровый настил палубы, спасённый даже не попытался встать — он просто рухнул на колени, уткнулся лбом в тёплые, пахнущие смолой доски и несколько секунд судорожно, со свистом втягивал в себя влажный морской воздух, словно не веря, что под ногами больше нет проклятой африканской земли.

— Лежи, лежи, старик, — негромко подбодрил его Тит, присаживаясь рядом на корточки и протягивая деревянный ковш. — Тут палуба хоть и качается, зато слоны по ней не бегают. Пей, не бойся — вода кислая, зато своя, казённая.

За триарием на борт один за другим поднимались остальные.

У половины не было ни шлемов, ни щитов — только ржавые мечи на верёвках да грязные тряпки, намотанные на гноящиеся раны. У одного из гастатов вместо левой кисти болталась перевязанная ремнём культя; другой, с выбитыми зубами и запёкшимися от жажды губами, вцепился в поднесённый Титом ковш так, что чуть не сломал обод.

— Что там было на Баграде? — негромко спросил Тит, придерживая за плечо седого, согнувшегося в три погибели центуриона из третьего легиона, чьи глаза смотрели куда-то сквозь доски палубы. — В Остии говорили, вы уже под самыми стенами Карфагена стояли.

Старый центурион медленно поднял на Тита мутный, выцветший взгляд.

— Стояли, — просипел он, сплёвывая на палубу густую жёлтую слюну. — Пока карфагеняне не привезли из Греции спартанца. Ксантиппом звали. Простой наёмник в дырявом плаще,

а вывел их с холмов прямо на плоскую равнину. И пустил на нас сотню слонов в одну линию, а с боков — четыре тысячи нумидийских всадников...

Он замолчал, и его правая рука, лежавшая на колене, мелко задрожала.

— Регул построил нас глубоко, чтобы остановить зверей. Как стену. Только слонам плевать на наши пилумы — они просто шли сквозь три шеренги, топтали людей в красный песок, как виноград в давильне, а кто проскакивал между ног — тех сзади добивали их фалангиты. Двенадцать тысяч наших там легли за два часа. Самого Регула живьём взяли, в цепях в Карфаген повели. А мы двое суток бежали к Клупее без воды, отбиваясь от нумидийцев в темноте...

Тит невольно отвёл взгляд на выжженную солнцем рыжую полосу африканского берега, где над брошенным осадным лагерем Клупеи уже поднимались чёрные столбы дыма — арьергард дожигал склады и повозки, которые нельзя было забрать с собой.

К корме «Януса» подошёл центурион Гиртий. За пять лет синий шрам через его лицо стал глубже, борода и виски под шлемом сделались совсем белыми, а правое плечо после прошлогодней раны под Экномом слегка просело, но виноградная лоза в его руке по-прежнему была отполирована до костяного блеска.

— Хватит языками чесать! — глухо рявкнул ветеран, оглядывая забитую до отказа верхнюю палубу, где поверх штатной центурии морской пехоты теперь сидели и лежали вповалку сорок спасённых легионеров Регула. — Убирай трапы! На флагмане подняли красный вымпел на отход. Выбираем якоря и идём на север, к Сицилии!

С берега, где на гребне прибрежных дюн уже показались первые крошечные силуэты карфагенских всадников, донёсся глухой, насмешливый вой.

Триста шестьдесят четыре римских корабля, тянувших за собой ещё сто четырнадцать захваченных пунийских корпусов, медленно, тяжело, словно стадо раненых быков, отворачивали носы от Африки и вытягивались в гигантскую, растянувшуюся на многие мили колонну к сицилийским берегам.

II. Pondus Mortale

Едва армада вышла из-под прикрытия мыса Гермей в открытое море между Африкой и Сицилией, как вода изменила цвет — из прозрачной прибрежной бирюзы она стала тяжёлой, тёмно-синей, почти свинцовой.

Ветер с юго-запада ещё не был штормом. Это была обычная июльская свежая волна, которая шла длинными, пологими валами прямо в левый борт растянувшейся на мили эскадры. Но «Янус» встретил её не так, как должен встречать море боевой корабль.

Корабль застонал.

Марк стоял у середины правого борта, держась за мокрую пеньковую оттяжку, и чувствовал подошвами калиг, как под ногами что-то неладно. За пять лет войны римские корабелы научились сушить лес лучше, чем в ту бешеную весну в Остии — доски «Януса» больше не расходились в первый же день, и трюм почти не тёк. Но вместо течи на эти корабли легло другое, куда более страшное проклятие.

После победы при Милах и кровавого сражения у мыса Экном сенат и консулы уверовали в тяжёлый абордаж как в единственную правду на воде. На самом носу «Януса», прямо за тараном, по-прежнему возвышался двадцатичетырёхфутовый лиственничный столб с притянутым к нему тридцатишестифутовым дубовым «вороном» и трёхталантным железным клювом на верхушке. Но теперь этого консулам показалось мало: посреди палубы, перед главной мачтой, плотники возвели ещё и две громоздкие деревянные боевые башни — *turres* — высотой в два человеческих роста, обшитые двойными дубовыми плахами и сырыми бычьими шкурами для защиты лучников и метателей дротиков.

А под этими башнями, на самом верхнем настиле, высоко над ватерлинией, сейчас теснились не сто двадцать человек штатной морской пехоты, а сто шестьдесят — вместе со спасёнными солдатами Регула, их сундуками и снятыми с берега бронзовыми трофеями.

Пологая боковая волна подкатилась под левую скулу «Януса».

Корабль тяжело, неохотно накренился на правый борт — и вдруг словно замер в самом низу крена.

Это была пугающая, противоестественная пауза. Высокие деревянные башни на палубе и многотонный столб «ворона» на носу сработали как гигантский рычаг, потянувший всю махину вниз. Правые весёльные порты верхнего яруса едва не черпнули зелёной пены; внизу, в трюме, триста гребцов одновременно вскрикнули, когда их скамьи встали почти дыбом, а на верхней палубе десятки сидевших на досках раненых легионеров Регула с грохотом и проклятиями покатились к правому фальшборту.

Только через три долгих, леденящих душу удара сердца «Янус» с глухим треском шпангоутов и натужным скрипом мачты медленно, неохотно выпрямился обратно.

— Ох, не к добру эта пляска, — выдохнул Тит, который в момент крена едва успел ухватиться одной рукой за стойку деревянной башни, а другой придержать съехавший с плеча скутум, но тут же осклабился сидевшему рядом перепуганному новобранцу: — Не дрейфь, парень! Если «Янус» и перевернётся, то хотя бы сразу на оба лица посмотрит — и в небо, и на дно.

На Тите была тяжёлая трофейная железная кольчуга — *lorica hamata*, снятая им два года назад с убитого галльского наёмника под Тиндаридой. Тридцать фунтов густых, в двойное кольцо сплетённых железных звеньев отлично держали иберийский меч и нумидийскую стрелу, но сейчас, когда палуба уходила из-под ног, эта броня тянула его вниз, к правому борту, как свинцовый якорь.

— Сними железо, Тит, — негромко сказал Марк, глядя, как соседняя квинкверема в ста шагах левее точно так же, с пугающей медлительностью, заваливается на борт и едва выправляется из водяной ямы. — Боя сегодня не будет, пунийцев мы вчера разбили. Сложи кольчугу в чехол под скамью.

Тит покачал головой, похлопав себя по звенящей железной груди:

— Гиртий запретил. Сказал, пока не войдём в гавань Сиракуз, всем морским гастатам быть в полной готовности. Да и утащат её в этой давке — гляди, у половины регуловых парней на плечах одни лохмотья. Не отдам я галльскую рубашку, Марк! Я за неё под Тиндаридой чуть без уха не остался — в ней и в Сиракузах к девкам пойду, чтобы блестела.

У кормовых рулевых вёсел стоял старый сицилийский кормчий-грек из Катаны, нанятый на флот вместе с лоцманами. Он не сводил встревоженных глаз с верхушки носового столба «ворона», который при каждом перекате волны описывал в небе широкую, ленивую дугу, словно маятник гигантских весов.

— Слишком высоко груз лежит, — пробормотал старик, обращаясь скорее к самому себе, чем к стоявшему рядом центуриону Гиртию. — Слишком тяжело наверху, а внизу в трюме балласта нет, только пустые бочки из-под воды. Это не корабль, центурион. Это опрокинутый кувшин на воде. Пока море тихое — он плывёт. А чуть ветер зайдёт с юга и поднимет крутую волну в борт — ваши башни и эти ваши «вороны» перевернут всю эскадру килем вверх раньше, чем гребцы успеют втянуть вёсла.

Гиртий мрачно сплюнул за борт, туда, где в пенном следе «Януса» тяжело ворочалась на буксирном канате захваченная вчера карфагенская пентера — низкая, гладкая, без единой башни и без столба на носу, она резала ту же самую боковую волну легко и ровно, даже не кренясь.

— Не каркай, грек, — глухо бросил центурион, но в его голосе не было прежней уверенности. — До Сицилии двое суток ходу. К завтрашнему вечеру увидим берег у Камарины, а там и до Сиракуз рукой подать. Держи курс за флагманом консула.

Марк посмотрел на западный горизонт, куда медленно скатывалось тусклое, окружённое мутным белёсым кольцом июльское солнце. Ветер с юго-запада не стихал — он становился тяжелее, суше и горячее, неся с собой далёкий, еле слышный гул открытого моря.

III. Superbia Consulum

Утром второго дня перехода над южной оконечностью Сицилии встало мутное, багровое солнце без лучей. Из-под горизонта, с открытого юго-запада, катилась длинная, маслянистая мёртвая зыбь.

На корме флагманской шестирядки, под пурпурным тентом, над потёртой греческой лоцией стояли оба консула 255 года — высокий, сухопарый патриций Марк Эмилий Павел и его коллега Сервий Фульвий Петин Нобилиор, а рядом с ними, скрестив руки на зеркальной бронзовой кирасе, возвышался легат из рода Сервилиев Цепионов. Перед ними, сняв войлочные шапки, стояли трое старших сицилийских лоцманов.

— Консулы, — голос старшего из них, сиракузца Гераклида, дрожал не от страха перед ликторами, а от глухой профессиональной тревоги. — Мы на траверзе Акраганта. Нам нельзя идти дальше вдоль южного берега. Сейчас середина июля — время между восходом Ориона и восходом Пса. С африканских пустынь сюда приходит Либс — юго-западный шторм, который обрушивается стеной за два часа. Весь этот берег от Акраганта до мыса Пахин — мёртвый берег: ни одной глубокой бухты, одни отмели и каменные гряды у Камарины. А ваши суда перегружены башнями, мостами и солдатами.

Старик опустился на одно колено прямо перед походным столом:

— Умоляем вас! Поверните на север, обойдите Сицилию с другой стороны, или уходите сейчас же в открытое море на восток! Иначе здесь, у Камарины, мы погубим сто тысяч человек!

Марк Эмилий Павел медленно отложил костяной стилос и посмотрел на старика сверху вниз — холодным взглядом патриция.

— Встань, грек. Ветер ещё даже не надул парусов, а вы уже ползаете на коленях, как женщины на похоронах.

— Пять лет назад в Остии такие же сиракузские умники клялись Гаю Дуилию, что наши корабли утонут у причала, — презрительно хмыкнул Сервилий Цепион. — Вы, греки, привыкли прятаться по бухтам от каждой тучи. Но Рим не боится ни карфагенян, ни вашего моря.

— Господин, море — не карфагеняне! — в отчаянии выкрикнул мессанский лоцман. — Ему нельзя сбросить на палубу железный клюв!

Лицо Эмилия Павла налилось высокомерной краской. Он шагнул к фальшборту и указал на прибрежные холмы Сицилии, где белели стены греческих городов.

— В Африке Регул проиграл. По всей Сицилии ползут слухи, что Рим сломлен. Там, на холмах, старейшины Гелы, Камарины и Акраганта считают наши вымпелы. Если я сейчас трусливо сверну на север, завтра эти города откроют ворота пунийцам! Пусть они видят четыреста с лишним кораблей под римскими знамёнами, идущих вплотную к их стенам с сотней трофеев на буксире!

Гераклид медленно поднялся с колен. Он посмотрел на юго-запад, где белёсая мгла уже стремительно темнела, и тихо произнёс по-гречески:

— Боги отнимают разум у тех, кого решили погубить.

— Идите по кораблям, — брезгливо махнул рукой Павел. — Если хоть один кормчий без сигнала отвернёт в открытое море, я велю выпороть его и прибить к мачте как изменника. Держать строй вдоль берега! Курс — на Камарину и мыс Пахин!

Трубач на флагмане дал короткий, властный сигнал. В трёх стадиях позади, на палубе «Януса», Марк Валерий Корв увидел, как старый катанский кормчий, разобрав сигнал флагмана, вдруг побелел, медленно опустил голову и коснулся губами медного амулета на шее, глядя на стремительно чернеющий край неба.

IV. Signa Procellae

Небо над Камариной не затянулось тучами — оно просто погасло, словно кто-то сверху накрыл море перевёрнутым закопчённым котлом.

За полчаса до полудня белёсая июльская дымка на юго-западе сгустилась в сплошную, глухую стену цвета свинца и гнилой сливы. Солнце исчезло. Над растянувшейся на три мили армадой повисла душная, звенящая тишина — такая плотная, что на палубе «Януса» было слышно, как за три стадия на соседней квинквереме стучит молоток келевста и кто-то из гребцов надрывно кашляет в трюме. Воздух стал горячим и сухим, как из открытой печи для обжига кирпича, а потом внезапно похолодел так резко, что у стоявших в мокрых туниках пехотинцев по спинам пробежала дрожь.

Чайки, ещё час назад лениво кружившие за кормами кораблей в ожидании объедков, с пронзительным криком сорвались с места и низко, почти касаясь крыльями воды, потянулись прочь — вглубь сицилийского берега.

— Идёт, — глухо произнёс старый катанский кормчий на корме «Януса», вцепляясь обеими руками в рукояти рулевых вёсел. — Либс идёт. Молитесь своим богам, римляне.

Первый шквал ударил не постепенно — он налетел со спины, с открытого юго-запада, как таран невидимого гиганта.

Стена холодного, солёного ветра с рёвом прошлась по морю, срывая верхушки волн в сплошную белую пыль. На «Янусе» с пушечным хлопком вырвало из рук матросов не до конца убранный носовой парус-артемон; лоскут мокрого полотна на секунду взвился в почерневшее небо, как раненая птица, и исчез во мгле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.